

Жорж Сименон

Мегрэ сердится

<http://book.zehinli.info>

Глава первая

Старая дама приходит в сад

Г-жа Мегрэ, которая лущила горох, сидя в густой тени, где яркими пятнами выделялись голубизна ее фартука и зелень стручков, г-жа Мегрэ, чьи руки никогда не знали покоя и не могли оставаться без дела даже в два часа пополудни самого знойного из всех августовских дней, г-жа Мегрэ, неусыпно, как за младенцем, следившая за мужем, вдруг встревожилась:

- Да ты, никак, уже собираешься встать!

Между тем корабельный шезлонг, в котором возлежал Мегрэ, даже не скрипнул, бывший комиссар уголовной полиции даже не шелохнулся.

Но она хорошо знала мужа и не могла не заметить, как слегка передернулось его лоснящееся от пота лицо. Ведь он и в самом деле хотел подняться, но теперь из самолюбия продолжал лежать.

С тех пор, как комиссар ушел в отставку, они проводили уже второе лето в своем доме в Мен-сюр-Луар. Меньше четверти часа назад Мегрэ с удовольствием растянулся в шезлонге, спокойно дымя своей трубкой. Свежесть в этом уголке ощущалась тем заметнее, что всего в двух местах отсюда резко обозначалась граница солнца и тени, и вы попадали в настоящее пекло, где жужжали несносные мухи.

Горошинки ритмично падали одна за другой в эмалированную миску. Г-жа Мегрэ сидела расставив колени; натянутый на них передник был полон стручков, а рядом стояли еще две корзины, полные горошка, который она собрала утром для консервирования.

Мегрэ больше всего нравился в доме этот уютный уголок между кухней и садом - нечто вроде дворика под навесом, наподобие испанского патио <Патио - внутренний дворик (исп.)>, где они поставили буфет и даже устроили плиту.

Там они обычно завтракали и обедали. Пол был вымощен красными плитками, от которых в тени было еще прохладнее.

Мегрэ выдержал пять минут, может быть, чуть побольше. Глядя сквозь полуприкрытые веки на огород, который, казалось, курился под палящим солнцем, он наконец не выдержал и, отбросив самолюбие, решительно встал.

- Что ты еще надумал делать?

В эту минуту Мегрэ был похож на надувшегося малыша, которого застали за какой-нибудь шалостью. Такое выражение появлялось у него довольно часто, когда они бывали вдвоем с женой.

- Я уверен, что колорадские жуки опять набросились на баклажаны, - проворчал он. - И все из-за твоего салата...

Уже целый месяц у них шли перепалки из-за этого салата, посаженного г-жой Мегрэ на свободные места между кусками баклажанов.

- Незачем земле даром пропадать, - заявила она. Тогда Мегрэ не возражал. Он и не подумал, что колорадский жук пожирает баклажанные листья еще охотнее, чем картофельную ботву. А теперь из-за салата нельзя было полить их раствором мышьяка.

Мегрэ, не расставаясь со своей широкополой соломенной шляпой, раз по десять на дню склонялся над бледно-зелеными листьями и осторожно переворачивал их, стараясь не упустить ни одного жучка. Он набирал их целую пригоршню и бросал в огонь, бурча себе что-то под нос и сердито поглядывая на жену.

- И все из-за твоего салата...

По правде говоря, с тех пор, как комиссар ушел на пенсию, он и часу спокойно не посидел в своем пресловутом шезлонге, который торжественно принес с базара у ратуши, поклявшись жене, что ежедневно будет проводить в нем послеполуденные часы.

А теперь он стоял на солнцепеке, в деревянных сабо на босу ногу, в синих холщовых штанах, которые болтались у него на бедрах, топорщась сзади, словно слоновья кожа, в крестьянской рубахе с затейливым узором, распахнутой на груди.

Мегрэ услышал стук деревянного молотка, прокатившийся в пустых и затененных комнатах, словно удары колокола под монастырскими сводами. Кто-то стучал у входной двери, и г-жа Мегрэ растерялась, как всегда в случаях, когда кто-нибудь приходил без предупреждения. Она издали посмотрела на мужа, словно спрашивая у него совета. Потом приподняла свой фартук, полный стручков, не зная, куда их высыпать, и наконец развязала его: она никогда не позволила бы себе подойти к двери в затрапезном виде.

Молоток стукнул еще раз, два, три - повелительно, прямо-таки гневно. В дрожащем воздухе Мегрэ послышались приглушенные звуки автомобильного мотора. Он по-прежнему стоял склонившись над баклажанами, в то время как его жена поправляла седые волосы перед маленьким зеркалом.

Едва она успела скрыться в тени дома, как распахнулась маленькая калитка со стороны переулка, которой пользовались только хорошие знакомые супругов Мегрэ, и показалась старая дама в трауре, высокомерная и в то же время такая забавная, что ее появление, должно быть, надолго запомнилось комиссару.

Помедлив секунду у калитки, она легким, решительным шагом, который так не вязался с ее возрастом, направилась прямо к Мегрэ.

- Послушайте, любезный... Только не вздумайте говорить, что вашего хозяина нет дома: я уже навела справки...

Она была высока, сухопара, на морщинистом лице сквозь густой слой пудры проступали от жары капельки пота. На лице особенно заметны были глаза - ярко-черные и необыкновенно живые.

- Сейчас же ступайте и скажите ему, что Бернадетта Аморель проехала сто километров, чтобы поговорить с ним.

У нее, конечно, не хватило терпения дожидаться перед закрытой дверью. Она из тех, кого не заставляют ждать. Она уже успела расспросить соседей, и ее не обманули закрытые ставни на окнах.

Показал ли ей кто-нибудь садовую калитку? Едва ли. Она и сама могла найти ее. И теперь она направлялась к маленькому тенистому дворику, куда только что вернулась хозяйка дома.

- Подите и передайте комиссару Мегрэ... Г-жа Мегрэ недоумевала. Ее муж тяжелыми шагами шел вслед за старой дамой, с легкой насмешкой поглядывая на нее. Потом он сказал:

- Если вы потрудитесь войти в дом...

- Бьюсь об заклад, что он уже храпит после обеда. А что, он по-прежнему такой же толстый?

- Вы его хорошо знаете?

- А какое вам дело? Ступайте и скажите, что его ждет Бернадетта Аморель, а остальное вас не касается.

И тут же, спохватившись, порылась в черном бархатном ридикюле с серебряным замком, какие были в моде еще в начале века.

- Возьмите! - И старуха протянула ему несколько франков.

- Простите, госпожа Аморель, но я вынужден отказаться. Видите ли, я и есть бывший комиссар Мегрэ.

И тут старуха изрекла фразу, которая им надолго запомнилась. Оглядев его с ног, обутых в сабо, до растрепанных волос - он успел снять свою соломенную шляпу, - она проронила:

- Ну, если вам так угодно...

Бедная г-жа Мегрэ! Напрасно она подавала мужу знаки. Он их не замечал. А она хотела дать ему понять, чтобы он проводил даму в гостиную... Разве можно принимать людей во дворе, где занимаются стряпней и другими домашними делами?..

Но г-жа Аморель уже устроилась в маленьком плетеном кресле и, казалось, прекрасно себя в нем чувствовала. Она первая заметила, что г-жа Мегрэ чем-то встревожена, и с нетерпением бросила ей:

- Ах, да оставьте же комиссара в покое! Еще немного, и она могла бы попросить г-жу Мегрэ удалиться, но та и сама не замедлила сделать это. В присутствии гости продолжать работу было нелегко.

- Надеюсь, комиссар, моя фамилия вам знакома?

- Аморель? "Песчаные карьеры и буксиры"?

- Совершенно верно. "Аморель и Кампуа". Когда-то, много лет назад, ему пришлось заниматься расследованием одного дела в верховьях Сены, и он видел, как по реке целый день следовали караваны судов с зеленым треугольником фирмы "Аморель и Кампуа". А в Париже, на острове Сен-Луи, когда он еще служил в уголовной полиции, Мегрэ частенько проходил мимо конторы "Аморель и Кампуа" - владельцев песчаных карьеров и грузовых судов.

- Я не могу терять времени, выслушайте меня! Сегодня, когда мой зять и дочь отправились в гости к Маликам, я велела Франсуа быстро выкатить наш старенький "Рено". Они об этом и не догадываются. И, конечно, до вечера не вернутся домой... Вы поняли?

- Нет... Да...

Пока что он понял только одно: старая дама уехала из дома тайком, без ведома семьи.

- Могу побожиться: знай они, что я здесь...

- Простите, а где вы живете?

- Ну конечно в Орсене!

Таким тоном могла бы сказать королева Франции:

"Ну конечно в Версале!"

Разве не всем было известно, что Бернадетта Аморель - фирма "Аморель и Кампуа" - жила в Орсене, деревушке на берегу Сены, между Корбейем и лесом Фонтенбло?

- Что вы на меня смотрите как на помешанную? - продолжала старая дама. - Конечно, они постараются вам это внушить. Но вы не верьте им.

- Простите, сударыня, могу ли я позволить себе спросить: сколько вам лет?

- Можете, молодой человек. Седьмого сентября мне стукнет восемьдесят два. Но у меня еще ни одного вставного зуба, если это вас интересует. И вполне возможно, что я еще успею кое-кого похоронить. В особенности я была бы счастлива похоронить своего зятя...

- Не хотите ли чего-нибудь выпить?

- Стакан холодной воды, если у вас найдется. Он сам подал ей стакан.

- В котором часу вы выехали из Орсена?

- В половине двенадцатого. Как только они уехали... Я предупредила Франсуа. Франсуа служит у нас помощником садовника. Он славный мальчик. Я помогала его матери при родах, когда он появился на свет. Никто в доме и не подозревает, что он умеет водить автомобиль... Однажды ночью, когда мне не спалось - надо вам сказать, комиссар, что я никогда не сплю, - я заметила, как он при лунном свете пытается завести наш старенький "Рено"... Это вас интересует?

- Очень.

- Такие-то пустяки!.. Старая машина стояла уже не в гараже, а в конюшне. Это лимузин, который остался еще от моего мужа. С тех пор, как он умер, прошло уже двадцать лет, так что можете судить сами... Так вот, этот парнишка - не знаю, как ему удалось, - сумел починить машину и ночью разъезжал на ней по дорогам.

- Это он вас сюда привез?

- Да. Он ждет меня у дома.

- Вы не завтракали?

- Я ем только тогда, когда у меня есть свободное время. Терпеть не могу людей, которым вечно хочется есть.

При этом она невольно окинула укоризненным взглядом толстый живот комиссара.

- Вот видите, как вы потеете. Но это ваше дело... Мой муж тоже хотел все делать по-своему, и его давно нет в живых... Ведь вы уже два года на пенсии, не так ли?

- Да, скоро будет два года.

- Значит, вы скучаете. И, стало быть, согласитесь сделать то, что я вам предложу. В пять часов здесь останавливается поезд, идущий на Орлеан, и я могла бы по дороге подбросить вас на вокзал. Конечно, самое простое - отвезти вас на машине прямо в Орсен, но вас там сразу заметят, и все дело будет загублено.

- Простите, сударыня, но...

- Так и знала, что вы заупрямитесь. Но послушайте меня! Мне просто необходимо, чтобы вы провели несколько дней в Орсене... Пятьдесят тысяч, если справитесь с делом. А если не получится - пусть будет десять тысяч плюс издержки.

Она открыла сумку и стала перебирать приготовленные банкноты.

- В Орсене есть гостиница. Вы не рискуете ошибиться, другой у нас нет. Она называется "Ангел". Вам там будет ужасно неудобно, потому что бедная Жанна - полусумасшедшая. Ее я тоже знала совсем маленькой. Быть может, сначала она не захочет вас принять, но вы сумеете с ней поладить, я в этом не сомневаюсь. Она будет довольна, если вы заведете с ней разговор о болезнях. Она убеждена, что у нее есть все до одной!

Г-жа Мегрэ принесла поднос с кофе, но старая дама, не оценив ее любезности, только фыркнула:

- Что это значит? Кто вам велел приносить кофе? Унесите.

Она приняла ее за служанку, так же как поначалу приняла Мегрэ за садовника.

- Я могла бы порассказать вам кучу всякой всячины, по я о вас много слышала и понимаю, что у вас самого хватит ума во всем разобраться. Советую вам только одно: не давайте моему зятю обвести вас вокруг пальца. Он может опутать любого. Весьма любезен - другого такого любезного человека не найдешь, любезен до тошноты. Но в тот день, когда ему отрубят голову...

- Простите, сударыня...

- Вы слишком много извиняетесь, Мегрэ. У меня была внучка, единственная внучка - дочь этого проклятого Малика! Малик - фамилия моего зятя. Это вы тоже должны знать. Шарль Малик... Моей внучке, Моните, на будущей неделе исполнилось бы восемнадцать...

- Вы хотите сказать, что она умерла?

- Ровно неделю назад. Позавчера мы ее похоронили. Ее тело прибило к нижнему шлюзу... А раз Бернадетта Аморель говорит вам, что это не несчастный случай, вы должны ей верить. Монита плавала как рыба. Кое-кто попытается вас убедить, что она была неосторожна, любила купаться в одиночестве в шесть утра, а иногда даже ночью. И все-таки утонуть она не могла! А если они будут твердить, что она, быть может, хотела покончить с собой, скажите им, что они лгут.

Внезапно, без всякого перехода, комедия превратилась в трагедию, но странно: старая дама не плакала. Ее удивительно черные глаза даже не увлажнились. Вся ее сухая нервная натура дышала прежней жизненной силой, в которой, несмотря на драматизм ситуации, было что-то комическое.

Она шла напролом, уверенная в своей правоте, не считаясь ни с чем. Теперь она, по-видимому, ни на минуту не сомневалась, что уже завоевала Мегрэ: иначе и не может быть, раз ей этого захотелось.

Она тайком удрала из дома в невероятном автомобиле, с парнишкой, который едва умел водить машину. Так она пересекла всю Бос <Бос - в дореволюционной Франции область к юго-востоку от Парижа с центром в городе Шартр (теперешний департамент Эр и Луар).>, не позавтракав, в самое жаркое время дня. Теперь она нетерпеливо поглядывала на часы, которые по-старомодному носила на цепочке, как медальон.

- Если у вас есть ко мне какие-нибудь вопросы, задавайте побыстрее, - заявила она, уже готовая подняться.

- Как я понял, вы не любите своего зятя?

- Ненавижу.

- Ваша дочь тоже его ненавидит? Она несчастлива в браке?

- Этого я не знаю и знать не хочу!

- Вы не ладите с дочерью?

- Предпочитаю не обращать на нее внимания. Она такая бесхарактерная, такая безвольная...

- Вы сказали, что неделю назад, то есть в прошлый вторник, ваша внучка утонула в Сене.

- Ничего подобного я не говорила. Нужно повнимательней слушать... Мониту нашли мертвой в Сене, у нижнего шлюза.

- Однако никаких телесных повреждений обнаружено не было, и врач выдал разрешение на предание земле.

Она лишь окинула его высокомерно-презрительным взглядом, в котором промелькнула тень жалости.

- Как я понимаю, только вы одна подозреваете, что смерть девушки могла быть насильственной? На этот раз она не выдержала:

- Послушайте, комиссар! У вас репутация самого умного полицейского во Франции. По крайней мере самого удачливого. Одевайтесь! Сложите вещи в чемодан! Через полчаса я высажу вас на вокзале в Обрэ. В семь часов вечера вы будете уже в гостинице "Ангел". Нам лучше сделать вид, что мы незнакомы. Каждый день, в полдень, Франсуа будет заходить в "Ангел", чтобы

выпить там аперитив. Вообще-то он не пьет, но я ему прикажу. Таким образом мы сможем общаться, так что им и в голову ничего не придет.

Она направилась в сад, несмотря на жару, видимо решив прогуляться в ожидании Мегрэ.

- Поторапливайтесь! - бросила она комиссару. Затем, повернувшись к нему, добавила:

- Будьте любезны, дайте чего-нибудь попить Франсуа. Он, наверное, сидит в машине. Можно вина, разбавленного водой. Только не давайте чистого. Ведь ему еще нужно отвезти меня домой, а он не привык к вину.

Г-жа Мегрэ, которая, должно быть, все слышала, ждала мужа у двери в переднюю.

- Что ты собираешься делать, Мегрэ? - спросила она, когда ее муж направился к лестнице, перила которой были украшены медными шариками.

В доме было прохладно, приятно пахло мастикой, свежим сеном, созревающими фруктами и вкусным домашним обедом. Мегрэ снова, спустя пятьдесят лет, вдыхал запахи, так напоминавшие ему раннее детство, дом родителей.

- Надеюсь, ты не поедешь с этой выжившей из ума старухой?

Мегрэ оставил сабо на пороге. Он шел босиком сначала по холодным плиткам, потом по натертым мастикой дубовым ступенькам лестницы.

- Дай шоферу чего-нибудь попить и поднимись наверх, помоги мне уложить чемодан, - сказал он.

Глаза у него заблестели. Он сам заметил этот блеск, когда взглянул на себя в зеркало, подойдя к умывальнику, чтобы освежить лицо холодной водой.

- Я тебя не понимаю! - вздохнула его жена. - Ведь для тебя только что главной заботой были колорадские жуки.

В поезде было жарко. Устроившись в уголке, Мегрэ курил трубку. В окнах мелькали откосы с пожелтевшей травой, утопающие в цветах вокзалы, промелькнул и какой-то человек, стоявший на солнце, забавно помахивая красным флажком и дуя в свой свисток, как мальчишка.

Виски у Мегрэ поседели. Он стал немного спокойнее, немного тяжеловеснее, чем прежде, но самому ему казалось, что он не постарел с тех пор, как оставил службу в уголовной полиции.

За это время страховые компании, банки и ювелиры не раз предлагали ему заняться сложными расследованиями, но он то ли из гордости, то ли из скромности всякий раз отказывался.

На набережной Орфевр могли бы сказать:

"Бедный Мегрэ клюнул на приманку. Видно, ему уже надоело возиться в саду и удить рыбу..."

В самом деле, до чего же легко он дал себя уговорить этой старой даме, неожиданно появившейся у них в саду.

Он вновь представил ее себе, чопорную и важную, в допотопном лимузине, управляемом с опасной смелостью каким-то Франсуа, одетым как садовник и не успевшим сменить сабо на ботинки.

После того как г-жа Мегрэ помахала им с порога рукой и машина отъехала от дома, он услышал от гостыи:

- Значит, это ваша жена? Наверное, я обидела ее, приняв за служанку. Я и вас сначала приняла за садовника...

И, высадив его у вокзала в Обрэ, где Франсуа, перепутав скорости и внезапно дав задний ход, чуть было не врезался в стайку велосипедистов, снова отправилась в свое более чем рискованное путешествие.

Было время отпусков. Все парижане устремились за город; по дорогам мчались автомобили, по речкам скользили лодки, под каждой ивой сидели рыбаки в соломенных шляпах.

Орсен был полустанком, на котором снисходительно останавливались лишь редкие поезда. Сквозь деревья в парках проглядывали крыши нескольких больших вилл, а за ними - широкая и величественная в этом месте Сена.

Сам Мегрэ затруднился бы ответить, почему он подчинился приказанию Бернадетты Аморель. Может быть, с досады на колорадских жуков?

И вдруг он тоже почувствовал себя в отпуске, как эти люди, с которыми ехал в поезде, которых встречал, спускаясь по крутой тропинке, которых видел повсюду, с тех пор как покинул Мен.

Здесь дышалось намного легче, чем у него в саду, и он бодро шагал по незнакомой местности; спустившись вниз по откосу, вдруг увидел Сену, протекавшую вдоль широкой дороги, по которой мчались машины.

От самого вокзала стали попадаться надписи со стрелками: "Гостиница "Ангел". Придерживаясь указанного направления, Мегрэ попал в сад с запущенными аллеями и в конце концов толкнул дверь веранды, где было душно от солнца, нагревшего застоявшийся между стеклянными стенками воздух.

- Есть тут кто-нибудь? - спросил он. Никто не откликнулся. На подстилке лежала кошка, в углу стояли удочки.

- Есть тут кто-нибудь?

Он спустился на одну ступеньку и очутился в зале, где лениво раскачивался медный маятник старых часов; каждый раз, как он описывал дугу, раздавался щелчок.

- Ни души в этой лачуге! - проворчал он. И в ту же минуту рядом с ним что-то зашевелилось. Мегрэ вздрогнул и заметил в темноте некое существо, завернутое в одеяло. Это была женщина - конечно, та самая Жанна, о которой говорила ему г-жа Аморель. Черные жирные волосы свисали по обеим сторонам ее лица, на шее белел толстый компресс.

- Закрыто! - хрипло сказала она.

- Знаю, сударыня! Мне говорили, что вы нездоровы...

Ой! Не слишком ли невыразительно это "нездоровы"? Не прозвучало ли оно для нее как оскорбление?

- Вы хотите сказать, что я уже почти при смерти?... Никто не хочет мне верить. Все только досаждают.

Наконец, отбросив одеяло, закрывавшее ей ноги, она встала и сунула широкие ступни в войлочные шлепанцы.

- Кто вас ко мне послал?

- Представьте себе, что я здесь когда-то останавливался, уже больше двадцати лет назад, а теперь решил навестить этот дом.

- Значит, вы знали Мариюса?

- Черт возьми, конечно!

- Бедный Мариюс! Вы знаете, что он умер?

- Мне говорили. Не хочется этому верить...

- Почему? Он ведь тоже не отличался крепким здоровьем... Вот уже три года, как его нет, а я все еще маюсь... Вы хотите здесь переночевать?

Она взглянула на чемодан, который Мегрэ оставил на пороге.

- Да, я хотел бы пожить здесь несколько дней. Конечно, если не стесню вас. В вашем состоянии...

- Вы приехали издалека?

- Из окрестностей Орлеана.

- На машине?

- Нет, поездом.

- А ведь сегодня поезда уже не будет. Боже мой! Ремонда!.. Ремонда!.. Опять она куда-то убежала... Обождите! Мы с ней подумаем. Если она согласится... Она ведь со странностями. Хотя она и служанка, но, пользуясь моей болезнью, делает все, что ей взбредет в голову. Можно подумать, что командует здесь она... Глядите-ка! А этому что здесь понадобилось?

Она смотрела в окно. К дому кто-то приближался, слышался хруст гравия. Мегрэ взглянул в окно и нахмурился. Посетитель ему смутно кого-то напоминал.

На незнакомце был костюм для прогулок или для игры в теннис - шерстяные белые брюки, белый пиджак и туфли; бывшему комиссару бросилась в глаза траурная повязка у него на рукаве.

Он вошел с видом завсегда.

- Здравствуй, Жанна.

- Что вам угодно, господин Малик?

- Я пришел, чтобы спросить у тебя... Внезапно он осекся, уставился на Мегрэ и вдруг, улыбнувшись, воскликнул:

- Жюль! Вот это да!.. А ты что здесь делаешь?

- Простите...

Прежде всего вот уже долгие годы никто не называл его Жюлем, и Мегрэ стал забывать свое имя. Даже у жены была странная привычка, которая в конце концов стала его забавлять: она тоже называла его Мегрэ.

- Не припоминаешь?

- Нет.

Однако эти румяные щеки, правильные черты лица, крупноватый нос, светлые, слишком светлые глаза кого-то ему напоминали. Да и фамилия Малик, когда ее в первый раз произнесла г-жа Аморель, показалась ему знакомой.

- Эрнест...

- Как - Эрнест?

Разве г-жа Аморель говорила не о Шарле Малике?

- Помнишь лицей в Мулене?

Мегрэ действительно учился три года в Муленском лицее в те времена, когда его отец был управляющим соседним замком. Но все же...

Странное дело: хотя в точности он ничего не мог припомнить, холеное лицо этого самоуверенного человека вызывало у него какие-то неприятные ассоциации. Кроме того, он терпеть не мог, когда его называли на "ты". Фамильярность его всегда коробила.

- Сборщик налогов...

- Да... Вспомнил... Никогда бы вас не узнал.

- Что ты здесь делаешь?

- Я? Да...

Эрнест Малик расхохотался.

- Об этом сейчас поговорим. Я и раньше прекрасно знал, что комиссар Мегрэ не кто иной, как мой старый друг Жюль. Помнишь учителя английского языка?.. Незачем готовить ему комнату, Жанна. Мой друг будет ночевать у меня, на вилле...

- Нет! - ворчливо отрезал Мегрэ.

- Что ты сказал?

- Я сказал, что буду ночевать здесь. С Жанной мы уже договорились.

- Ты настаиваешь?

- Да, настаиваю.

- Из-за старухи?

Хитрая улыбка промелькнула на тонких губах Эрнеста Малика, и эта улыбка тоже была улыбкой мальчишки, которого Мегрэ когда-то знал.

Его прозвали в лицее Сборщиком, потому что его отец служил сборщиком налогов в Мулене. Тогда он был очень худым, с узким, как лезвие ножа, лицом и светлыми, неприятно-серыми глазами.

- Не смущайся, Жюль. Сейчас ты все поймешь... Ну-ка, Жанна, не бойся, скажи честно: выжила моя теща из ума или нет?

А Жанна, неслышно ступая в своих войлочных шлепанцах, равнодушно пробормотала:

- Я предпочитаю не вмешиваться в ваши семейные дела.

Теперь она уже смотрела на Мегрэ с меньшей симпатией, чтобы не сказать - с неприязнью.

- Ну так что, вы остаетесь или уходите с ним?

- Остаюсь.

Малик по-прежнему насмешливо смотрел на своего бывшего соученика, как если бы все происходящее было фарсом, жертвой которого стал Мегрэ.

- Ну, здесь ты неплохо позабавишься, уверяю тебя... Веселее места, чем гостиница "Ангел", не сыщешь. Ты увидел ангела и попался на удочку! - И, словно вспомнив о трауре, он добавил серьезнее:

- Не будь все это так грустно, мы бы с тобой здорово посмеялись... Давай хоть дойдем до нашего дома. Не возражай! Это необходимо. Я тебе объясню... Посидим за аперитивом, и ты все поймешь.

Мегрэ все еще колебался. Он стоял неподвижно, огромный по сравнению с собеседником, таким же высоким, как он, но удивительно стройным.

- Пошли! - наконец сказал он словно с сожалением.

- Ты, конечно, согласишься с нами поужинать. В доме теперь, правда, не слишком весело после смерти племянницы, но...

Когда они уходили, Мегрэ заметил, что Жанна смотрит на них из своего темного угла; ему показалось, что она окинула злобным взглядом элегантный силуэт Эрнеста Малика.

Глава вторая

Второй сын сборщика налогов

Малик и Мегрэ шли вдоль реки, и казалось, что первый ведет другого на поводке; Мегрэ, ворчливый и неуклюжий, как огромный длинношерстный пес, неохотно тащился за Маликом.

Ему и вправду было не по себе. Еще в школьные годы он недолюбливал Сборщика, да и вообще терпеть не мог людей, неожиданно возникающих из прошлого, которые дружески хлопают вас по плечу и позволяют себе называть вас на “ты”.

К тому же Эрнест Малик был из такой породы людей, которая всегда настораживала Мегрэ.

Развязный, самодовольный, холеный, с прилизанными волосами, он шагал в своем прекрасно сшитом костюме из белой шерсти. Несмотря на жару, на лице его не было ни капли пота. Он уже вошел в роль вельможи, демонстрирующего свои владения бедняку. В глазах у него, как и прежде, когда он был мальчишкой, посверкивала искорка иронии, мелькал лукавый блеск, который, казалось, возвещал:

"Я ловил тебя на удочку прежде, поймаю и снова. Как ни вертись, а я умнее тебя..."

Слева от них плавно изгибалась Сена, образуя излучину, обрамленную камышами, справа тянулись низкие ограды, отделявшие виллы от дороги, - одни совсем старые, другие почти новые.

Вилл было немного - четыре или пять, насколько мог судить комиссар. Нарядные дома прятались в больших, тщательно ухоженных парках. Через решетчатые ограды виднелись четкие ряды деревьев.

- А вот и вилла моей тещи, с которой ты имел счастье сегодня познакомиться, - сообщил Малик, когда они проходили мимо ворот с большими каменными львами, глядящими сверху на прохожих. - Старый Аморель лет сорок назад купил ее у какого-то финансового магната времен Второй империи.

В тени деревьев виднелось обширное здание, не слишком красивое, но весьма солидное и богатое. Тоненькие струйки воды, вращаясь, орошали лужайки, а старый садовник, словно сошедший со страниц каталога, выпущенного торговцем семенами, чистил граблями аллею.

- Что ты думаешь о Бернадетте Аморель? - спросил Малик, повернувшись к бывшему соученику и устремив искрящийся лукавством взгляд прямо в глаза Мегрэ.

Мегрэ вытер пот с лица, а его спутник посмотрел на него так, словно хотел сказать: “Бедняга! Ты нисколько не изменился. Все тот же недотепа. Святая простота, хоть и не глуп”.

Но вслух сказал:

- Пойдем! Я живу немного дальше, за поворотом... Ты помнишь моего брата? Хотя, правда, в лице ты мог его и не знать. Ведь он был младше нас на три класса. Шарль женился на младшей дочери Аморелей, а я примерно в то же время женился на старшей. В летние месяцы брат живет в этой вилле вместе с женой и нашей тещей. Это у него на прошлой неделе погибла дочь.

Еще сто метров, и они увидели слева плавающий причал, весь белый, роскошный, как у фешенебельных яхт-клубов на берегу Сены.

- Здесь начинаются мои владения. У меня несколько лодочек. Надо же как-то развлекаться в этой дыре!.. Ты увлекаешься парусным спортом?

Какая ирония прозвучала в его голосе, когда он спросил у толстого Мегрэ, занимается ли тот парусным спортом, указав на одно из хрупких суденышек, привязанных между бакенами.

- Сюда...

Решетка с позолоченными стрелами. Аллея, усыпанная светлым блестящим песком. Парк спускался по отлогому склону, и скоро они увидели здание в современном стиле, куда более обширное, чем вилла Аморелей. Слева - теннисный корт, утрамбованный красневшим на солнце песком. Справа - бассейн.

А Малик, становясь все более развязным, напоминал красивую женщину, небрежно играющую с бриллиантовой брошью, которая стоит миллионы. Казалось, он хотел сказать: “Смотри в оба, увалень! Ты находишься у Малика. Да, у того самого малыша Малика, которого все в лице

пренебрежительно называли Сборщиком, потому что его папа целые дни проводил в кассе неприметной конторы”.

К Малику подбежали два датских дога и принялись лизать ему руки, а он принимал эти смиренные знаки преданности, словно не замечая их.

- Если хочешь, можно посидеть на террасе и выпить аперитив, пока не позвонят к ужину... Мои сыновья, должно быть, катаются на лодках.

Во дворе за виллой шофер без пиджака мыл из шланга мощную американскую машину, ослепительно блестящую хромированными частями.

Они поднялись по ступенькам на веранду и расположились под красным зонтом в плетеных креслах, глубоких, как кресла в клубах. К ним тут же поспешил дворецкий в белой куртке, и Мегрэ почувствовал себя так, словно находится не в частном доме, а в курзале на водах.

- Розовый? Мартини? Манхаттан?.. Что предпочитаешь, Жюль? Если верить легендам, которые печатаются о тебе в газетах, ты больше всего любишь кружку пива у цинковой стойки... К сожалению, цинковой стойки я еще здесь не устроил. Но, наверное, устрою. Вот будет забавно!.. Два Мартини, Жан! Не стесняйся, можешь курить свою трубку... Так о чем же мы говорили? Ах да... Так вот, разумеется, мой брат и невестка порядком потрясены этой историей. Это была их единственная дочь, понимаешь? Моя невестка никогда не отличалась крепким здоровьем...

Казалось, Мегрэ не слушает. И все же слова Малика автоматически запечатлевались в его памяти.

Погрузившись в кресло, полузакрыв глаза, с зажженной трубкой в зубах, с недовольной миной на лице, он рассеянно любовался пейзажем, который действительно был очень красив. Солнце клонилось к закату и становилось пурпурным. С террасы, где они находились, видна была излучина Сены, обрамленная покрытыми лесом холмами, на одном из которых выделялся яркой белой полосой спускающийся к берегу карьер.

По темной шелковистой воде скользили белые паруса. Медленно проплыли несколько лакированных спортивных лодок. Протарахтела и скрылась вдалеке моторка, а воздух все еще вибрировал в ритме мотора.

Лакей поставил перед ними два слегка запотевших хрустальных бокала.

- Сегодня утром я пригласил брата с женой провести у нас день. Тещу приглашать бесполезно: она питает отвращение к семье и зачастую по целым неделям не покидает своей комнаты.

За его улыбкой таилось: “Где уж тебе понять, бедный толстый Мегрэ. Ты привык общаться с маленькими людьми, которые живут скромно, однообразно и не могут позволить себе ни малейшей прихоти”.

Мегрэ и вправду чувствовал себя здесь не в своей тарелке. Его раздражало все, что он видел вокруг: слишком гармоничные формы, слишком спокойные линии. Он начинал ненавидеть эту великолепную теннисную площадку, шофера, который мыл из шланга роскошный автомобиль, - и вовсе не из зависти: он был не способен на столь мелкое чувство. Мостик с вышками для прыжков в воду, лодки, привязанные к причалу, бассейн, подстриженные деревья, аллеи, посыпанные ровным, чистым песком, - все это составляло часть того особого мира, куда он проник против воли и где чувствовал себя до ужаса неуклюжим.

- Я рассказываю тебе все это, чтобы объяснить мое неожиданное появление в гостинице у славной Жанны. Впрочем, “славная Жанна” - это просто так говорится. В действительности это самое коварное существо на свете. Когда был жив ее муж Мариус, она всю обманывала его, а с тех пор, как он умер, с утра до вечера ноет, вспоминая его.

Итак, мой брат и невестка сидели у нас. Когда настало время обеда, жена спохватилась, что забыла дома свои пилюли. Она говорит, что все это от нервов. Я предложил сходить за пилюлями. Так как наши участки расположены рядом, я не стал выходить на дорогу, а пошел через сад.

Случайно, проходя мимо бывших конюшен, я посмотрел на землю и заметил следы шин. Открываю дверь и с удивлением вижу, что старого лимузина моего покойного тестя нет на месте.

Вот, дружище, каким образом я попал на твой след. Я спросил у садовника, куда делась машина, и он признался, что час назад его помощник увез на ней Бернадетту. Когда они вернулись, я вызвал мальчишку и стал его расспрашивать. Он рассказал мне, что ездил в Мен-сюр-Луар и на обратном пути высадил на вокзале в Обрэ какого-то толстяка с чемоданом. Прошу прощения, старина, это он употребил слово “толстяк”.

Я сразу же подумал, что моя очаровательная теща решила довериться какому-нибудь частному детективу. У нее мания преследования, и она убеждена, что гибель ее внучки связана Бог знает с какой тайной.

Признаться, о тебе я и не подумал. Я знал, что в полиции существует какой-то Мегрэ, но не был уверен, что это тот самый Жюль из нашего лица... Ну, что ты на это скажешь?

В ответ Мегрэ проронил:

- Ничего.

Он молчал. Он думал о своем доме, столь непохожем на этот, о саде, баклажанах, о зеленых горошинах, падающих в эмалированную миску, и недоумевал, как это он мог безропотно последовать за властной старухой, которая буквально похитила его.

Он думал об ужасной тесноте и духоте в поезде, о своем прежнем кабинете на набережной Орфевр, где допрашивал бесчисленное количество негодяев, о бесчисленных бистро, множестве подозрительных отелей и всевозможных значных мест, где бывал по долгу службы.

Думая обо всем этом, он еще больше злился, чувствуя себя оскорбленным оттого, что находился здесь, во враждебной среде, под саркастическим взглядом Сборщика.

- Если тебе интересно, я сейчас покажу дом. Я сам проектировал его с помощью архитекторов. Конечно, мы живем здесь не круглый год, а только летом. У меня квартира в Париже на авеню Гош. А еще я купил виллу в трех километрах от Довиля, и мы ездим туда в июле. В августе у моря столько народу, что просто не продохнуть. Если тебе это по душе, я охотно приглашу тебя провести несколько дней у нас. Ты играешь в теннис, ездешь верхом?..

Почему бы ему не спросить, играет ли Мегрэ в гольф и не увлекается ли водными лыжами?

- Учти: если ты хоть сколько-нибудь всерьез принимаешь то, что тебе рассказала моя теща, я нисколько не возражаю, чтобы ты провел расследование. Я весь к твоим услугам. Если тебе понадобятся машина и шофер... А вот и моя жена!.. Позволь представить тебе Мегрэ, моего старого товарища по лицу... Моя жена...

Она протянула белую мягкую руку. И все у нее было белое: лицо, слишком светлые волосы.

- Садитесь, пожалуйста, сударь.

Почему она произвела такое впечатление, словно ей не по себе? Она как будто отсутствовала. Голос у нее был невыразительный, настолько безликий, что можно было усомниться, она ли произнесла эти слова. Она села в большое кресло, и казалось, что ей безразлично, быть здесь или где-нибудь еще. Впрочем, она подала какой-то знак мужу. Тот ее не понял. Тогда она взглядом показала на второй этаж виллы и уточнила:

- Жорж Анри...

Малик нахмурился и, поднявшись, обратился к Мегрэ:

- Прости, я должен на минутку отлучиться. Женщина и комиссар остались вдвоем, неподвижные и молчаливые. Потом внезапно на втором этаже послышался шум. Хлопнула дверь. Раздались быстрые шаги. Кто-то закрывал окно. Были слышны приглушенные голоса, отзвуки какой-то ссоры или по меньшей мере ожесточенного спора.

Чтобы прервать молчание, г-жа Малик спросила:

- Вы прежде не бывали в Орсене?

- Нет, сударыня.

- Здесь хорошо живется тем, кто любит деревню. Прежде всего спокойно, правда?

Слово “спокойно” в ее устах имело особый смысл. Она была такая безвольная, такая усталая, почти лишенная жизненной силы, ее тело так слилось с плетеным креслом, что вся она словно олицетворяла собой покой, вечный покой.

Тем не менее она прислушивалась к звукам, доносившимся со второго этажа. Шум там постепенно стихал, а когда все умолкло, она обратилась к Мегрэ:

- Значит, вы пообедаете с нами?

Хотя г-жа Малик и была хорошо воспитана, она не могла заставить себя улыбнуться хотя бы из вежливости. Просто констатировала факт. С видимой неохотой.

Малик вернулся, и когда Мегрэ взглянул на него, на лице хозяина дома появилась фальшивая улыбка.

- Прошу прощения. Вечно приходится возиться со слугами...

К обеду все не звонили, и разговор не клеился. В присутствии жены Малик держался не так развязно.

- Жан Клод не вернулся?

- По-моему, я вижу его на причале.

Действительно, какой-то молодой человек в шортах, спрыгнув с легкой яхты, пришвартовал ее и, перебросив через руку свитер, медленно подходил к дому. В ту же минуту зазвонили к обеду, и все прошли в столовую, где вскоре появился и Жан Клод, старший сын Эрнеста Малика, вымытый, причесанный, в сером костюме из легкой шерсти.

- Если бы я знал, что ты будешь у нас, я пригласил бы брата и невестку. Ты познакомился бы со всей семьей. Если не возражаешь, я приглашу их завтра. Можно будет позвать и наших соседей, у нас их не очень много. Обычно все собираются здесь. У нас всегда бывает народ. Приходят, уходят, чувствуют себя как дома.

Столовая была огромная и роскошная. Мраморная с розовыми прожилками столешница. Каждая тарелка стояла на маленькой салфетке.

- Вообще, если верить тому, что рассказывают о тебе в газетах, ты неплохо преуспел в полиции. Странная профессия! Я часто думал, почему люди становятся полицейскими, в какую минуту и как начинают испытывать к этому призвание. Ведь в конце концов...

Жена его казалась теперь еще более отсутствующей. Мегрэ наблюдал за Жаном Клодом, а молодой человек внимательно рассматривал комиссара, как только тот отводил от него взгляд.

Жан Клод, холодный как мрамор стола, за которым они сидели, в свои девятнадцать или двадцать лет был столь же самоуверен, как и его отец. Такого, наверно, нелегко было смутить, и все-таки их всех что-то стесняло.

Никто не упоминал о Моните, погибшей на прошлой неделе. Быть может, этой темы избегали касаться в присутствии дворецкого?

- Видишь ли, Мегрэ, - сказал Малик, - вы все в лице были слепы и даже не подозревали что говорите, когда называли меня Сборщиком. Если ты помнишь, нам, небогатым, не позволяли сближаться с сыновьями мелкопоместных дворян и богатых буржуа. Некоторые из нас страдали от этого. Другие, например ты, нисколько не огорчились. Меня презрительно называли Сборщиком, но в том-то и заключалась моя сила, что я был сыном своего отца... Ты даже не представляешь, что только не проходит через руки сборщика! Я узнал грязные стороны жизни самых уважаемых на вид семейств. Я познакомился с жульническими делишками тех, кто обогащался. Я увидел, как

одни возносились, а другие опускались, даже стремительно падали на дно, и я старался понять всю эту механику. Социальную механику, если хочешь. Почему одни возносятся, а другие опускаются.

Он рассуждал с презрительным видом, сидя в своей роскошной столовой, где даже пейзаж за окнами как бы свидетельствовал о его успехе.

- И я стал подниматься вверх...

Само собой разумеется, блюда за ужином подавались самые изысканные, но комиссар не был охотником до всех этих деликатесов, до замысловатых закусок под соусами, неизменно украшенных кусочками трюфелей и раковыми шейками. Дворецкий беспрестанно наклонялся, наполняя какой-нибудь из стоявших перед Мегрэ бокалов.

Небо с одной стороны окрасилось в холодный зеленый цвет, а с другой стало красным, местами даже лиловым; и только редкие облака выделялись на нем наивной белизной. По Сене проплывали запоздалые лодки, и рыба, выпрыгивая из воды, оставляла на ней медленно расходившиеся круги.

У Малика, по-видимому, был тонкий слух, не менее тонкий, чем у Мегрэ. По крайней мере оба они слышали какой-то звук, но звук едва уловимый. Только вечерняя тишина позволила различить этот еле слышный шорох.

Вначале раздался какой-то скрип. Должно быть, у одного из окон второго этажа, как раз с той стороны, где лишь недавно перед обедом слышались громкие голоса. Потом какой-то приглушенный шум в парке...

Отец и сын переглянулись. Г-жа Малик даже не пошевелилась, методично продолжая подносить вилку ко рту.

Малик вскочил, бросил салфетку на стол и кинулся к двери, легко и бесшумно ступая в своих туфлях на мягкой подошве.

Дворецкий отнесся к происходившему так же спокойно, как и хозяйка дома. Но Жан Клод слегка покраснел; не зная, что сказать, он несколько раз открывал рот и наконец произнес с такой же улыбкой, как у Эрнеста Малика:

- Не правда ли, отец для своего возраста еще очень подвижен?

Другими словами:

"В доме, конечно, что-то происходит, но вас это не касается. Продолжайте есть, а до остального вам нет дела".

- Он регулярно обыгрывает меня в теннис, а я ведь считаюсь неплохим игроком. Это удивительный человек! И Мегрэ, глядя в тарелку, повторил за ним:

- Удивительный...

Кого-то там, наверху, заперли в комнате. Это было ясно. Как видно, узнику надоело сидеть взаперти, и перед обедом Малик вынужден был подняться наверх, чтобы приструнить его.

Воспользовавшись тем, что вся семья собралась в столовой, этот кто-то решил сбежать. Он выпрыгнул из окна прямо на клумбу с гортензиями.

Именно шум от падения и услышали одновременно и Малик, и комиссар.

Малик выскочил за дверь. Видимо, дело было серьезное, настолько серьезное, что хозяин дома не посчитался с тем, что поведение его может показаться странным.

- Ваш брат тоже играет в теннис? - спросил Мегрэ, подняв голову и глядя в упор на молодого человека.

- Почему вы это спрашиваете? Нет, мой брат не занимается спортом.

- Сколько ему лет?

- Шестнадцать. Недавно он провалился на выпускном экзамене, не сдал на бакалавра. Отец пришел в ярость.

- Поэтому он и запер его в комнате?
- Наверно... Жорж Анри и отец вообще не очень-то ладят.
- Зато вы с отцом, как мне кажется, очень хорошо понимаете друг друга. Не так ли?
- Довольно хорошо.

Мегрэ случайно посмотрел на руку хозяйки дома и с удивлением заметил: она так крепко стиснула нож, что у нее побелели суставы.

Они сидели все трое в ожидании, в то время как дворецкий еще раз переменял им тарелки. Стояла такая тишина, что слышен был даже легчайший трепет листвы на деревьях.

Выпрыгнув в сад, Жорж Анри пустился бежать. В каком направлении? Конечно, не в сторону Сены. Тогда бы они его увидели. За домом, в глубине парка, проходила железнодорожная линия. Направо был сад, окружавший дом Аморедей.

Отец, должно быть, бросился вслед за сыном, и Мегрэ не мог сдержать улыбки при мысли о том, как, вероятно, разъярен Малик, вынужденный вести это бесславное преследование.

Они успели съесть сыр, потом десерт. Пора было встать из-за стола и перейти в гостиную или, пока еще не стемнело, на террасу. Посмотрев на часы, комиссар заметил, что хозяин дома отсутствует уже двенадцать минут.

Однако г-жа Малик не поднималась из-за стола. Сын незаметно попытался напомнить ей о ее обязанностях, когда в соседнем холле наконец послышались шаги.

Это был Сборщик. Он, как всегда, улыбался, но улыбка у него была натянутой, к тому же от Мегрэ не ускользнуло, что он успел переодеть брюки. Эти тоже были белые шерстяные, но свежeweыглаженные - видимо, только что вынутые из шкафа.

Должно быть, Малик на бегу зацепился за куст или плюхнулся в ручей.

По-видимому, ему и не пришлось бегать далеко. И все же его быстрое появление было своеобразным рекордом, потому что он даже не запыхался, его стального цвета волосы были тщательно приглажены, и ничто в его облике не выдавало ни малейшего смятения.

- Этот шалопай...

Сын был вполне достоин отца, потому что прервал его совсем непринужденно:

- Пари держу, что Жорж Анри снова... Я как раз рассказывал комиссару, что он срезался на экзамене и ты запер его в комнате, чтобы заставить заниматься.

Малик и глазом не моргнул, не выразил ни малейшего восхищения этой мгновенно протянутой ему рукой помощи. И все-таки их игра была превосходной. Они перебрасывались словами, точно теннисисты мячом.

- Спасибо, Жан! - сказал Малик дворецкому, который хотел положить ему что-то на тарелку. - Если госпожа Малик ничего не имеет против, мы можем перейти на террасу.

Потом обратился к жене:

- А ты не устала? Если тебе хочется отдохнуть, мой друг Мегрэ не обидится на тебя. Не так ли, Жюль? На нее очень подействовала гибель племянницы. Она так любила Мониту...

Что здесь происходило? Слова были обычные, интонации банальные. И все же у Мегрэ складывалось впечатление, что за каждой фразой он обнаруживает, скорее, даже угадывает тревожный или угрожающий смысл.

Держась очень прямо, вся в белом, г-жа Малик смотрела на них, и Мегрэ, сам не зная почему, не удивился бы, если бы она рухнула сейчас на черно-белые мраморные плиты пола.

- Если позволите... - пробормотала она и снова протянула Мегрэ руку, которой комиссар слегка коснулся, почувствовав, как она холодна.

Трое мужчин прошли через застекленную дверь и очутились на террасе.

- Сигары и коньяк, Жан! - распорядился хозяин дома. И неожиданно спросил Мегрэ:

- Ты женат?

- Да.

- Дети есть?

- Не имею счастья.

Губы Мегрэ слегка дрогнули, и это не ускользнуло от Жан Клода, однако нисколько его не тронуло.

- Садись. Бери сигару.

Слуга принес поднос с бутылками разной величины и несколько коробок сигар - гаванских и манильских.

- Видишь ли, мой младший сын очень похож на бабушку. В нем нет ничего от Маликов...

Мегрэ с трудом поддерживал разговор. Ему неловко было еще оттого, что он никак не мог заставить себя обращаться к своему бывшему соученику на "ты".

- Вы его поймали? - нерешительно спросил он. А Малик совсем не так воспринял его замешательство. Иначе и быть не могло. Его глаза удовлетворенно блеснули. Он, по-видимому, решил, что бывший комиссар, потрясенный окружающей роскошью, не осмеливается говорить с хозяином дома более фамильярным тоном.

- Можешь говорить мне "ты", - снисходительно уронил он, длинными, холеными пальцами надламывая сигару. - Если уж мы вместе просиживали штаны за партами в лицее... Нет, я его не поймал и не собирался ловить.

Он говорил не правду. Достаточно было видеть, как он выскочил из столовой.

- Я только хотел знать, куда он побежал... Он очень нервный, впечатлительный, как девчонка. Давеча, когда я на минуту выходил, я поднялся наверх, чтобы отругать его. Я был с ним довольно суров и боюсь...

Прочел ли он во взгляде Мегрэ, что тот по аналогии подумал об утонувшей Моните, тоже очень нервной? Конечно да, потому что он тут же добавил:

- О, это совсем не то, что ты думаешь. Для этого он слишком любит себя! Но ему уже не раз случалось сбегать. Однажды он пропадал целую неделю, и мы неожиданно нашли его на судовой верфи, куда он уже нанялся на работу.

Старший слушал совершенно равнодушно. Ясно, что он на стороне отца и глубоко презирает брата, так похожего на бабушку.

- Я не знал, что в кармане у него ни гроша, проследил за ним и успокоился. Он просто-напросто отправился к старой Бернадетте и сейчас, должно быть, жалуется ей.

Тени стали сгущаться, и Мегрэ показалось, что его собеседник теперь меньше думает о выражении своего лица. Черты его стали жестче, взгляд острее, ирония, несколько смягчавшая жестокость глаз, исчезла.

- Ты обязательно хочешь заночевать в гостинице? А то я мог бы послать за твоими вещами кого-нибудь из слуг.

Эта настойчивость не понравилась бывшему комиссару. Он увидел в ней нечто вроде угрозы. Быть может, он ошибался? Или поддался плохому настроению?

- Я буду ночевать в гостинице "Ангел", - ответил Мегрэ.

- Но ты принимаешь мое приглашение на завтра? Увидишь несколько занятных типов. Нас тут немного. В поселке всего шесть вилл, в том числе старинный замок, на другой стороне реки. Но и этого достаточно, чтобы здесь оказалось несколько чудачков.

В эту минуту со стороны реки раздался выстрел. Мегрэ вздрогнул, но его собеседник тут же пояснил:

- Это папаша Гру охотится на диких голубей. Оригинальный субъект. Завтра ты с ним познакомишься. Ему принадлежит весь тот холм на противоположном берегу. Впрочем, в темноте его трудно разглядеть. Старик прекрасно знает, что я охотно купил бы его земли, но вот уже двадцать лет упрямится, не хочет продавать, хотя у самого и ломаного гроша за душой нет.

Почему он вдруг заговорил тише? Так бывает, когда во время разговора человеку неожиданно приходит в голову какая-то новая идея.

- Ты найдешь дорогу? Жан Клод проводит тебя до ворот. Ты закроешь их, Жан Клод? Так вот, Жюль, иди вдоль Сены, а метров через двести сверни на тропинку. Она и приведет тебя прямо в гостиницу "Ангел"... Если любишь слушать рассказы, ты услышишь их сколько захочешь, потому что старуха Жанна страдает бессонницей и, должно быть, уже ждет тебя. Она вдоволь наговорит тебе за твои денежки, особенно если ты посочувствуешь ее горестям и бесчисленным болезням.

Он допил свой бокал и встал, давая этим понять, что сеанс окончен.

- До завтра. Приходи около двенадцати. Я на тебя рассчитываю.

И он протянул Мегрэ сухую крепкую руку.

- Забавно было встретиться после такого перерыва... Доброй ночи, старина!

Слова эти он произнес слегка покровительственным тоном, словно подчеркивая разницу в их положении.

Когда Мегрэ, сопровождаемый старшим сыном хозяина, стал спускаться с крыльца, Малик уже скрылся в доме.

Луны не было, и ночь обещала быть очень темной. Мегрэ, шагая по тропинке вдоль Сены, услышал медленный и монотонный плеск весел. Кто-то тихо произнес:

- Стоп!

Шум смолк, потом сменился другим. С борта сбросили невод. Наверное, браконьеры?

Он продолжал свой путь с трубкой в зубах, засунув руки в карманы, недовольный собой и другими, и недоумевая, зачем притащился сюда, вместо того чтобы блаженствовать у себя дома.

Проходя мимо ворот, он увидел свет в одном из окон. Теперь слева от него тянулись темные заросли, среди которых, немного дальше, он должен был выйти на тропинку, ведущую к гостинице старухи Жанны.

Вдруг он услышал сухой треск и сразу вслед за ним легкий шорох в нескольких метрах впереди. Мегрэ взволнованно замер, хотя звук походил на выстрел, раздавшийся недавно, когда Малик упомянул о старом чуде, который каждый вечер охотится на диких голубей.

И снова тишина. Однако где-то близко от него, быть может на стене, окружающей владения Аморедей, стоял человек, стрелявший из карабина, и не в воздух, не в голубей, сидевших на ветке, а вниз, в Мегрэ.

На лице комиссара отразились одновременно и досада, и удовлетворение. Он с ожесточением сжал кулаки, но от этого выстрела ему стало легче. Хорошо, что дело принимало такой оборот!

- Вот гадина! - вполголоса выругался он.

Бесполезно было искать злоумышленника, пускаться за ним в погоню по примеру Малика, бросившегося давеча за своим сыном. В ночной темноте он все равно ничего не нашел бы и только рисковал провалиться в какую-нибудь яму.

По-прежнему держа руки в карманах, с трубкой в зубах, широкоплечий и коренастый, комиссар продолжал свой путь, и презрение его выразилось в том, что он даже не ускорил шаг.

Несколько минут спустя он пришел в гостиницу “Ангел”, и за это время никто больше не пытался в него стрелять.

Глава третья

Семейный портрет в гостиной

В половине десятого Мегрэ все еще лежал в постели. В настежь распахнутое окно давно уже доносился шум, кудахтанье кур, копошившихся в навозе, лязг собачьей цепи, настойчивые гудки буксиров и более приглушенные - самоходных барж.

Комиссару нездоровилось. Голова с похмелья разламывалась от мучительной боли. Теперь он знал секрет старой Жанны - хозяйки “Ангела”. Вчера вечером, возвратившись в гостиницу, он застал ее в столовой возле стенных часов с медным маятником. Малик оказался прав: она поджидала Мегрэ. Однако, скорее, не для того, чтобы вести разговоры, а чтобы выпить с ним вместе.

“А она крепко закладывает!” - подумал он сквозь дремоту, боясь, что от резкого перехода к бодрствованию у него еще сильнее заболит голова.

Как же он сразу этого не понял? Ему и прежде приходилось встречать таких стареющих женщин, утративших всякую привлекательность, которые еле волочат ноги и вечно жалуются на бесчисленные болезни, похожих на эту Жанну - скорбную, ноющую, с лоснящимся от пота лицом и жирными волосами.

- А я охотно выпил бы рюмочку, - сказал он вчера, примостившись рядом с ней верхом на стуле. - А вы как, мадам Жанна? Что вам предложить?

- Ничего не нужно, сударь. Лучше мне совсем не пить. Ведь у меня все болит.

- Ну хоть маленькую рюмочку ликера?

- Разве чтобы составить вам компанию. Тогда налейте мне рюмку кюммеля. Вам не трудно налить и себе? Бутылки вот там, на полке. У меня сегодня вечером опять так отекли ноги...

Он тоже из вежливости пил эту отвратительную водку, хотя его передергивало от каждой рюмки и он поклялся никогда больше не брать в рот даже капли кюммеля.

Сколько рюмок выпила Жанна, не пьянея? Сначала она говорила ноющим голосом, потом оживилась. Время от времени, глядя в сторону, хватала бутылку и наливала себе, до тех пор пока Мегрэ не заметил этого и не стал наливать ей каждые десять минут.

Станный вечер! Служанка уже давно спала. Кошка свернулась клубком на коленях у мадам Жанны. Маятник часов мерно раскачивался в стеклянном ящике, а женщина все говорила и говорила. Сначала рассказала о Мариюсе, своем покойном муже, потом о себе. Она была девушкой из хорошей семьи, и вот, накануне свадьбы с офицером, сбежала к Мариюсу. А офицер-то потом стал генералом...

- Он приезжал сюда с женой и детьми три года назад, за несколько дней до смерти Мариюса, но меня не узнал. Потом завела речь о Бернадетте Аморель:

- Они все говорят, что она выжила из ума, но это не правда. Просто у нее странный характер. Муж ее был человек грубый и неотесанный. Они с Кампуа были совладельцами больших песчаных карьеров на Сене... А она вовсе не так глупа, эта мадам Жанна.

- Я теперь знаю, зачем вы сюда приехали. Все здесь уже знают. Только, я думаю, вы зря теряете время.

Она заговорила о братьях Маликах - Эрнесте и Шарле.

- Вы еще не видели Шарля? Вы его увидите. И его жену, младшую дочку Аморедей, ту, что называли в прежние годы мадмуазель Эме. Вы их всех увидите - ведь Орсен невелик, его и поселком-то не назовешь. А все-таки у нас творятся непонятные вещи. Вот мадмуазель Мониту нашли мертвой у шлюза...

Нет, она, Жанна, ничего не знает. Разве узнаешь, что может взбрести в голову молодой девушке?

Она пила, а Мегрэ, слушая ее болтовню, наливал себе и ей рюмку за рюмкой, словно его околдовали, и время от времени повторял одну и ту же фразу:

- Я не даю вам лечь спать.

- Если вы беспокоитесь из-за меня, то напрасно. Ведь я так мало сплю - мешают всякие боли. Но если вам хочется спать...

Он посидел с ней еще немного. А когда они стали подниматься к себе, каждый по своей лестнице, Мегрэ услышал шум падения. Это Жанна грохнулась на ступеньках.

Сегодня она, по-видимому, еще не поднималась с постели. Мегрэ наконец встал и подошел к умывальнику. Прежде всего он начал большими глотками пить прохладную воду, а потом смыл с себя липкий пот, - ему было не по себе от выпитой накануне анисовой водки. Нет, теперь он никогда в жизни не прикоснется больше к кюммелю!

Но вот он услышал шаги. Кто-то пришел в гостиницу. До него донесся голос Ремонды.

- Но я же повторяю вам: он еще спит. Он высунулся из окна и увидел какую-то женщину в черном платье и белом переднике, должно быть служанку, которая разговаривала с Ремондой.

- Это ко мне? - спросил Мегрэ. Подняв голову, служанка сказала:

- Вот видите! Он же не спит. Она держала в руках письмо - конверт с черной каймой - и заявила, обращаясь к комиссару:

- Велено ждать ответа.

Ремонда поднялась наверх и передала комиссару письмо. Он едва успел натянуть брюки, а подтяжки еще болтались на бедрах. Было уже жарко, с реки поднимался прозрачный пар.

"Не могли бы Вы прийти ко мне как можно скорее? Желательно сразу же, вместе с моей горничной, которая проводит Вас ко мне в комнату, иначе Вам могут помешать подняться. Я знаю, что Вы должны всех их увидеть сегодня в полдень.

Бернадетта Аморедей".

Он тут же пошел вместе с горничной - женщиной лет сорока, удивительно некрасивой, с глазами-пуговками, как и у ее хозяйки. За всю дорогу она не проронила ни слова и всем своим видом как бы хотела сказать: "Бесполезно пытаться что-нибудь из меня вытянуть. Мне запрещено говорить, и у вас ничего не выйдет".

Они миновали ограду, вошли в ворота и по аллее направились к внушительному дому Аморедей. В парке на деревьях щебетали птицы. Садовник толкал перед собой тачку с навозом. Дом оказался менее современным, чем у Эрнеста Малика, и менее роскошным, словно уже потускневшим от времени.

- Сюда, пожалуйста.

Они вошли не через большую дверь на парадном крыльце, а через маленькую в правом флигеле и поднялись по лестнице, стены которой были украшены гравюрами прошлого века. Не успели они дойти до площадки, как одна из дверей открылась и на пороге показалась г-жа Аморедей, такая же прямая и решительная, как накануне.

- Не очень-то вы торопитесь, - заявила она.
- Мсье был еще не готов. Пришлось подождать, пока он оденется.
- Входите, комиссар. А я-то думала, что такие, как вы, встают рано.

Они вошли в ее комнату, очень большую, с тремя окнами. Кровать с резными колоннами была уже застелена, но на креслах, стульях и столах валялись в беспорядке разные вещи. Чувствовалось, что почти вся жизнь старой дамы проходит в этой комнате, что это ее личные владения, куда она не слишком охотно допускает других.

- Садитесь!.. Нет, нет, ненавижу разговаривать, если мой собеседник стоит. Можете курить свою трубку, если вам это необходимо. Мой муж с утра до вечера не выпускал трубки изо рта. От нее все же не так противно пахнет, как от сигары... Значит, вы уже успели пообедать с моим зятем?

Пожалуй, это было даже смешно. Она обращалась с ним как с мальчишкой. Но в это утро Мегрэ утратил чувство юмора.

- Да, я обедал у Эрнеста Малика, - буркнул он.
- Что же он вам говорил?
- Говорил, что вы выжили из ума и что его сын Жорж Анри почти такой же сумасшедший, как вы.
- И вы ему поверили?
- А потом, когда я возвращался в гостиницу, кто-то, считая, что я на своем веку выловил уже достаточно преступников, стрелял в меня... Полагаю, юноша был здесь?
- Какой юноша?.. Вы имеете в виду Жоржа Анри? Я не видела его весь вечер.
- Однако, по утверждению его отца, он вырвался и убежал к вам.
- Ну, если вы верите его словам как Евангелию...
- Значит, вы не знаете, куда мог деться ваш младший внук?
- Нет, но рада была бы узнать. Итак, что же вам удалось выяснить?

Он посмотрел на нее и, сам не зная почему, подумал, действительно ли ей так хочется, чтобы он что-нибудь выяснил.

- Это правда, что вы в приятельских отношениях с моим зятем Эрнестом?
- Мы учились с ним в одном классе в Муленском лицее, и он упорно продолжает мне “тыкать”, как в те времена, когда нам было по двенадцать лет.

Мегрэ был не в настроении. Головная боль не проходила. Трубка противно пахла. Вдобавок он отправился сюда вместе с горничной, даже не выпив кофе, потому что в гостинице “Ангел” его еще не успели приготовить.

Мегрэ начинала раздражать эта семья, где все Друг за другом шпионили и никто, казалось, не говорил правду.

- Я боюсь за Жоржа Анри, - пробормотала старуха. - Он очень любил свою кузину. Возможно даже, между ними что-то было.

- Но ему же всего шестнадцать лет!

Она смерила его взглядом с ног до головы.

- А вы думаете, это помеха? Я никогда не была так влюблена, как в шестнадцать лет, и если бы совершила глупость, то именно в этом возрасте... Вы бы хорошо сделали, если бы нашли Жоржа Анри.

Он холодно спросил:

- А где вы посоветуете мне его искать?

- Ну, знаете, это уж ваша забота, а не моя. Меня только смущает, почему его отец уверял, будто он видел, как мальчик побежал ко мне. Ведь Малик прекрасно знает, что это не правда.

В голосе старухи слышалось неподдельное беспокойство. Она ходила взад и вперед по комнате и всякий раз, когда комиссар хотел встать, повторяла:

- Сидите!

Казалось, она разговаривает сама с собой.

- Сегодня они устраивают званый обед. Придет Шарль Малик с женой. Еще пригласили старого Кампуа и эту развалину господина Тру. Мне тоже рано утром прислали приглашение. Я только не знаю, вернется ли Жорж Анри...

- Вы больше ничего не хотите мне сказать, сударыня?

- Что вы имеете в виду?

- Ничего. Вчера в Мене вы говорили, что не верите, будто ваша внучка сама ушла из жизни.

Она пристально посмотрела на Мегрэ, не выдавая своих мыслей.

- А побывав здесь, - спросила она запальчиво, - вы убедились, что здесь все нормально?

- Этого я не утверждал.

- Ладно, продолжайте. Сходите на этот обед.

- А вы придете?

- Еще не знаю. Советую вам: поглядывайте на них. Да повнимательней слушайте. И если вы действительно мастер своего дела, как это утверждают...

Очевидно, она была им недовольна. Быть может, он показал себя недостаточно гибким, недостаточно проникательным, чтобы понять ее мысли? А может быть, ее разочаровало то, что он до сих пор все еще не разобрался в происходящем?

Старуха вела себя нервно, беспокойно, несмотря на свое умение владеть собой. Она подошла к двери, давая Мегрэ понять, что он свободен.

- Боюсь, как бы эти негодяи не оказались умнее нас! - произнесла она вместо прощания. - Посмотрим! Держу пари на что угодно: они поджидают вас внизу.

Так и оказалось. Когда Мегрэ вышел в коридор, одна из дверей бесшумно отворилась. Горничная - другая, не та, которая приходила за ним к Жанне, - сказала ему с почтительным поклоном:

- Не угодно ли вам пройти со мной? Господин и госпожа Малик ожидают вас в малой гостиной.

В доме было прохладно. Стены, окрашенные в блеклый цвет, резные двери, много зеркал, на стенах - картины, гравюры. Пушистые ковры скрадывали шум шагов, а шторы были наполовину спущены, чтобы не пропускать слишком много света.

Вот и последняя дверь. Он переступил порог и оказался лицом к лицу с ожидавшими его г-ном и г-жой Малик. Оба были в трауре.

Почему ему кажется, что он видит не саму семью, а искусно написанный семейный портрет? Он впервые встречал Шарля Малика и нашел, что, хотя лицом тот непохож на брата, сходство все же существовало. Шарль был немного моложе и плотнее Эрнеста. Полное лицо, румяные щеки, глаза не серые, как у того, а голубые, почти простодушные.

И он казался не таким самоуверенным, как брат. Мешки под глазами, мягкая линия губ, тревога во взгляде.

Держась очень прямо, он стоял возле белого мраморного камина, а жена сидела рядом с ним в кресле стиля Людовика XVI, положив руки на колени, словно приготовилась фотографироваться.

Видно было, что они расстроены, даже подавлены. Голос Малика звучал неуверенно:

- Входите, комиссар, и простите нас, пожалуйста, что рискнули вас побеспокоить на минутку.

Лицо г-жи Малик, очень похожей на сестру, было тоньше, и в ней угадывалось что-то от живости ее матери. Теперь эта живость была как бы притуплена, что, впрочем, объяснялось горем. В правой руке она держала скатанный комочком носовой платок и беспрестанно мяла его во время разговора.

- Прошу вас, садитесь! - продолжал Шарль Малик. - Я знаю, что все мы приглашены к моему брату и скоро увидимся. Во всяком случае, я там буду, но боюсь, что у жены не останется сил присутствовать на этом завтраке. Я знаю также, почему вы приехали сюда, и мне хотелось бы...

Он взглянул на жену, и та ответила ему спокойным, но твердым взглядом.

- Мы переживаем очень тяжелые дни, господин комиссар, а упрямство моей тещи сулит нам еще более суровые испытания. Вы ее видели. Не знаю, какое она произвела на вас впечатление...

Мегрэ, во всяком случае, постарался уклониться от ответа на этот вопрос, потому что чувствовал: его собеседник теряет почву под ногами и снова ждет помощи от жены.

- Не надо забывать, что маме восемьдесят два года, - сказала г-жа Малик. - В это трудно поверить: она удивительно энергична. К сожалению, ее кипучая деятельность не всегда направлена в нужную сторону. Смерть моей дочери, ее любимой внучки, окончательно выбила ее из колеи.

- Я это понял, сударыня.

- Теперь вы видите, в какой атмосфере мы живем после постигшей нас катастрофы. Мама вбила себе в голову, что гибель Мониты связана с Бог весть какой тайной.

- Комиссар, конечно, все понял, - сказал Малик. - Не нужно так нервничать, дорогая... Моя жена в ужасном состоянии, господин комиссар, нам обоим сейчас очень тяжело. Только уважение к матери жены не позволяет нам принять соответствующие меры, хотя, казалось бы... Вот почему мы просим вас...

Мегрэ насторожился.

- Мы просим вас..., хорошенько взвесить все "за" и "против", перед тем как...

Ах вот оно что! Не этот ли нерешительный толстяк стрелял в комиссара накануне вечером? В подобной мысли, только сейчас пришедшей в голову Мегрэ, не было ничего невероятного.

Эрнест Малик был хладнокровной скотиной, и если бы стрелял он, то, конечно, целился бы точнее. Этот же, напротив...

- Я понимаю ваше положение, - произнес хозяин дома, облокотившись на камин, словно продолжая позировать для семейного портрета. - Оно деликатно, крайне деликатно. В сущности...

- Собственно говоря, мне непонятно, зачем я сюда приехал, - с притворным простодушием отрезал Мегрэ.

Он исподлобья посмотрел на хозяина дома и заметил, как тот вздрогнул от радости.

Этих слов от него и ждали. Что ему, в сущности, здесь понадобилось? Ведь никто его сюда не приглашал, не слушая выжившей из ума восьмидесятидвухлетней старухи.

- Ну, это уж вы слишком... - поправил Шарль Малик с очень светским видом, - однако, принимая во внимание, что вы друг Эрнеста, я думаю, было бы лучше...

- Я вас слушаю.

- Да... Я думаю, было бы уместнее, даже желательно, чтобы вы не слишком поддерживали тещу в ее бреднях, которые..., которые...

- А вы убеждены, господин Малик, что смерть вашей дочери не была насильственной? Он покраснел, но ответил твердо:

- Я уверен, что это несчастный случай.

- А вы, сударыня?

Носовой платок в руке г-жи Малик уже превратился в крошечный комочек.

- Я разделяю мнение моего мужа.

- В таком случае я, не колеблясь...

Он подавал им надежду. Он чувствовал, как в них растет надежда на то, что скоро он навсегда освободит их от своего тягостного присутствия.

- ..считаю своим долгом принять приглашение вашего брата. А потом, если ничто не потребует моего присутствия здесь...

Он встал, чувствуя себя почти так же неловко, как и хозяйка дома. Ему не терпелось выйти на воздух, вздохнуть полной грудью.

- Итак, до скорого свидания, - произнес Шарль Малик. - Простите, что не провожаю вас... Мне еще нужно кое-что сделать.

- Пожалуйста, не беспокойтесь. Мое почтение, сударыня.

Он не успел еще выйти из парка и направиться в сторону Сены, как услышал какое-то потрескивание. Откуда оно исходит - догадаться было нетрудно. Сначала кто-то вертел ручку местного телефона, потом короткий звонок возвестил, том, что на другом конце провода сняли трубку.

"Он звонит брату, чтобы рассказать ему о нашем разговоре", - подумал Мегрэ.

И ему показалось, что он угадал переданные по телефону слова:

"Все в порядке! Он уедет. Он обещал. Только бы ничего не произошло за завтраком!"

Буксир с зеленым треугольником фирмы "Аморель и Кампуа" тянул к верховьям Сены восемь барж, принадлежащих, разумеется, той же фирме.

Было еще только половина двенадцатого. Комиссару не хотелось возвращаться в "Ангел", да, впрочем, ему и нечего было там делать. Он пошел вдоль берега; в голове его копошились смутные мысли. Потом, словно любопытный зевака, он остановился перед роскошной купальней Эрнеста Малика, стоя спиной к его вилле.

- А! Это ты, Мегрэ?

Перед ним стоял Эрнест Малик. На этот раз на нем был серый костюм из твида, на ногах белые замшевые туфли, на голове панама.

- Брат только что звонил мне по телефону.

- Знаю.

- Оказывается, и тебе уже смертельно надоели выдумки моей тещи.

Голос его был сдержан, взгляд - внушительен.

- Если я правильно понял, - продолжал Малик, - тебе уже хочется вернуться к своей жене и к своему огороду?

И тут, сам не зная почему - это, вероятно, и называл ют вдохновением, - став еще тяжелее, еще толще, еще неподвижнее, чем когда-либо, Мегрэ отрезал:

- Нет.

Удар попал в цель. Малик не мог этого скрыть. Тут ему изменило его обычное хладнокровие. Мгновение он как будто пытался проглотить слюну, кадык его несколько раз судорожно дернулся.

- А!..

Он быстро огляделся вокруг, однако не потому, что собирался столкнуть Мегрэ в Сену.

- У нас еще порядочно времени до того, как соберутся гости. Мы обычно завтракаем позднее. Зайдем на минутку ко мне в кабинет.

Парк они пересекли в полном молчании. Через открытое окно Мегрэ увидел, как в гостиной г-жа Малик расставляет цветы в вазах.

Они обогнули виллу, и Малик ввел гостя в свой просторный кабинет с глубокими кожаными креслами. Стены были украшены моделями яхт.

- Можешь курить...

Малик старательно закрыл дверь и наполовину спустил шторы - комната была залита солнцем. Наконец он сел за письменный стол и принялся вертеть в руках хрустальный нож для разрезания бумаги.

Мегрэ, присев на подлокотник кресла, с равнодушным видом принялся медленно набивать трубку. Помолчав, он спокойно спросил:

- Где твой сын?

- Который?.. - спохватившись. Малик добавил:

- При чем тут он? Речь идет не о моем сыне. Речь идет обо мне.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Ничего.

- Да, речь и в самом деле идет о тебе. Рядом с этим элегантным человеком, со стройной фигурой, с тонким холеным лицом, Мегрэ выглядел настоящим увальнем.

- Сколько ты мне предлагаешь?

- А кто тебе сказал, что я собираюсь тебе что-то предложить?

- Никто. Просто догадываюсь.

- А в конце концов, почему бы и нет! Наши власти ведь не слишком щедры. Какую тебе назначили пенсию?

А Мегрэ все так же миролюбиво и смиренно ответил:

- Три тысячи два франка. - И тут же с обезоруживающим простодушием добавил:

- Конечно, у нас есть кое-какие сбережения.

На этот раз Эрнест Малик был и вправду смущен. Этот выход показался ему слишком уж легким. У него даже возникло подозрение, что бывший соученик издевается над ним. И однако...

- Послушай!

- Слушаю внимательно.

- Я знаю, о чем ты сейчас думаешь.

- Да ведь я так мало думаю!

- Ты, вероятно, воображаешь, что можешь прижать меня, что у меня есть какие-то тайны. Но даже если бы в самом деле было так...

- ..но даже если бы в самом деле так оно и было, - подхватил Мегрэ, - это меня не касается, не правда ли?

- Шутишь?

- Что ты, и не думаю!

- Видишь ли, здесь ты только теряешь время. Ты, вероятно, считаешь себя очень ловким. Ты сделал солидную карьеру, преследуя воров и убийц. Так вот, мой бедный Жюль, здесь нет ни воров, ни убийц. Понимаешь? Совершенно случайно ты попал в незнакомую тебе среду и невольно можешь причинить много зла. Вот почему я говорю тебе...

- Сколько?

- Сто тысяч.

Мегрэ и бровью не повел, только нерешительно покачал головой.

- Сто пятьдесят. А то и двести.

Малик встал, взвинченный, напряженный, не переставая вертеть в руках нож, который неожиданно сломался. На указательном пальце показалась капля крови, и Мегрэ заметил:

- Ты порезался.

- Молчи! Вернее, отвечай на мой вопрос. Я подписываю тебе чек на двести тысяч франков. Не хочешь чек? Ну, можно сделать иначе. Сейчас мы сядем в машину и поедем в Париж. Там я возьму в банке деньги. А потом отвезу тебя в Мен.

Мегрэ вздохнул.

- Ну, что ты на это скажешь?

- Где твой сын?

На этот раз Малик не сдержал гнева.

- Это тебя не касается! Это никого не касается! Слышишь? Я не у тебя в кабинете на набережной Орфевр, да и тебя самого там уже нет. Я прошу тебя уехать, потому что твое присутствие здесь по меньшей мере некстати. Людям лезут в голову разные мысли. Они начинают задумываться...

- О чем же они задумываются?

- В последний раз предлагаю тебе уехать по доброй воле. Я готов щедро это компенсировать. Ну как - да или нет?

- Конечно нет.

- Что же, в таком случае я буду говорить по-другому.

- Не стесняйся!

- Я не мальчик из церковного хора и никогда им не был. Иначе я не стал бы тем, кто я сейчас. Так вот: из упрямства, вернее, по глупости - да, по глупости - ты можешь причинить людям беды, о которых даже не подозреваешь. А ты доволен, не правда ли, доволен? Ты чувствуешь себя так, словно по-прежнему служишь в уголовной полиции, выслеживаешь какого-нибудь убийцу или молодого негодяя, задушившего старуху. Я никого не задушил. Слышишь? И никого не ограбил.

- В таком случае...

- Молчи! Ты хочешь здесь остаться, вот и останешься! Ты и дальше будешь совать повсюду свой толстый нос. Однако потом пеняй на себя. Видишь ли, Мегрэ, я гораздо сильнее тебя. Я это доказал. Будь я из того же теста, что и ты, я стал бы маленьким сборщиком прямых налогов, как мой отец... Ладно! Продолжай соваться не в свои дела. Только потом пеняй на себя.

Наконец он овладел собой, и на губах его опять заиграла привычная саркастическая усмешка.

Мегрэ поднялся и стал искать свою шляпу.

- Куда ты идешь?

- Хочу подышать воздухом.

- Ты не останешься завтракать с нами?
- Предпочитаю поесть в другом месте.
- Как хочешь! Даже в этом сказывается твоя мелкая душонка. Жалкая и ничтожная.
- Ты все сказал?

Держа шляпу в руках, Мегрэ спокойно направился к двери. Он открыл ее и вышел, не обернувшись; а когда спустился в сад, мимо него прошмыгнула какая-то фигура. Мегрэ успел заметить Жан Клода, старшего сына Малика. Значит, во время разговора он стоял под открытым окном и все слышал.

Комиссар обогнул виллу и, когда вышел на главную аллею, столкнулся с двумя незнакомцами.

Один из них был маленький, коренастый, с толстой шеей и большими грубыми руками, несомненно, это г-н Кампуа, судя по описанию, сделанному накануне вечером старой Жанной. Второй, рослый малый с открытым лицом - должно быть, его внук.

Оба с удивлением оглядели Мегрэ, спокойно идущего к воротам, а потом даже остановились, чтобы посмотреть ему вслед.

"Слава Богу, что я не остался", - подумал Мегрэ, удаляясь по берегу Сены.

С той стороны по реке приближалась лодка; на веслах сидел старик в желтом полотняном костюме и ярко-красном галстуке. Это г-н Гру спешил на званый завтрак. Скоро соберутся все гости - все, кроме Мегрэ, ради которого этот завтрак и был затеян.

А Жорж Анри? Мегрэ ускорил шаг. Есть ему не хотелось, но ужасно мучила жажда. Во всяком случае, он дал себе слово ни под каким видом больше не пить со старой Жанной ни рюмки кюммеля.

Когда он вошел в гостиницу, старой Жанны на ее привычном месте у часов не оказалось. Он просунул голову в дверь кухни и увидел Ремонду, которая крикнула ему:

- А я думала, что вы не будете здесь завтракать! Потом, воздев толстые руки к небу, воскликнула:

- Я ничего не приготовила! А мадам как раз больна и не хочет спускаться вниз. В доме не было даже пива.

Глава четвертая

Псарня в верхнем парке

Непонятно, как это произошло, но Мегрэ и Ремонда внезапно стали друзьями. А ведь еще час назад она чуть было не запретила комиссару даже заходить на кухню.

- Говорила же я вам, что никакой еды у меня нет! Надо сказать, что Ремонда вообще терпеть не могла мужчин. Она считала их грубыми, твердила, что от них плохо пахнет. Из тех, кто останавливался в "Ангеле", большинство, даже люди женатые, пробовали за ней ухаживать, и это ей было противно.

Когда-то она хотела стать монахиней. Рослая, рыхлая, она только с виду выглядела здоровой.

- Чего вы тут ищете? - с раздражением спросила она, видя, что комиссар стоит перед открытым стенным шкафом.

- Неужели у вас ничего не найдется поесть? Хоть самую малость. В такую жару у меня не хватит духу тащиться в ресторан к шлюзу.

- Вы думаете, что-нибудь осталось? Черта с два! Прежде всего, гостиница бездействует. Она закрыта. Точнее говоря, она продается. Вот уже три года, как продается, и всякий раз, когда

находится покупатель, хозяйка начинает колебаться, вечно находит какой-нибудь предлог и в последний момент о сказывает. У нее и без того хватает на жизнь, можете не сомневаться!

- А сами-то вы что собираетесь есть?

- Хлеб с сыром.

- Неужто нам не хватит на двоих?

Вид у Мегрэ был кроткий и добродушный: глаза большие, лицо чуть одутловатое. Он уселся на кухне запросто, как у себя дома, хотя Ремонда и заявила ему:

- Уходите отсюда. Здесь еще не прибрано. Я накрою вам в столовой.

Но он заартачился.

- Сейчас посмотрю, может, найдется хоть банка сардин, - продолжала Ремонда. - Может, заваялась. Поблизости ни одной лавчонки. Мясник, колбасник, даже бакалейщик из Корбейля поставляют продукты только в солидные дома. Например, Маликам, Кампуа. Когда-то они здесь тоже останавливались и снабжали нас продуктами. Но теперь хозяйка сама почти ничего не ест и думает, что и другим не нужно... Пойду посмотрю, нет ли яиц в курятнике.

Нашлось три яйца. Мегрэ настоял на том, что сам сделает омлет, и девушка, смеясь, наблюдала, как он разбивает яйца, отделяя желтки от белков.

- Почему вы не пошли завтракать к Маликам? Вас же приглашали? Говорят, их повар раньше служил шефом не то у шведского короля, не то у норвежского, точно не знаю.

- Предпочитаю остаться здесь и закусить вместе с вами.

- Здесь? На кухне? На столе без скатерти? Однако комиссар говорил правду. Ремонда оказала ему большую услугу. Здесь он чувствовал себя непринужденно. Скинул пиджак и закатал рукава рубашки. Время от времени вставал, чтобы подлить кипятку в кофе.

- Ума не приложу, что ее здесь удерживает. - Ремонда снова заговорила о старой Жанне. - Денег у нее столько, что самой ей никогда не истратить. Детей нет. Никаких наследников. Даже племянников она давно уже выставила за дверь.

Все эти сведения вместе со вчерашним впечатлением о старухе Жанне и разными незначительными подробностями помогли комиссару создать законченный образ хозяйки гостиницы.

Когда-то она была красива. Ремонда это подтвердила. Это чувствовалось даже теперь, хотя Жанна совсем за собой не следила и выглядела старше своих пятидесяти лет.

Привлекательная, умная женщина, она вдруг опустилась, стала пить, нелюдимо жила в своем углу, всем была недовольна и набиралась до того, что по целым дням не вставала с постели.

- Она никогда не решится уехать из Орсена! Ну что ж! Когда все интересующие его персонажи приобретут для него такую же человеческую осязаемость, как хозяйка гостиницы "Ангел", все прояснится.

Он был уже близок к тому, чтобы понять и Бернадетту Аморель.

- Старый Аморель - его давно уже нет в живых - был несколько не похож на своих зятьев. У него больше общего с Кампуа. Не знаю даже, как вам это объяснить. Он был суров, но справедлив. Запросто беседовал у шлюза с грузчиками, не гнушался и стаканчик с ними выпить...

Итак, первое поколение поднималось по социальной лестнице. Большой, солидный дом, без излишней роскоши.

И второе поколение: две дочки выходят замуж за братьев Малик. Модная вилла, роскошные машины.

- Скажите, Ремонда, вы хорошо знали Мониту?

- Конечно, знала. Я застала ее еще девочкой. Ведь я поступила в “Ангел” семь лет назад. Тогда ей было не больше десяти. Совсем как мальчишка была! Убегала от гувернантки, и ее повсюду искали. Случалось, что всех слуг посылали на розыски, и они бегали по берегу вдоль Сены. Чаще всего она откалывала номера вместе со своим двоюродным братцем Жоржем Анри.

Жоржа Анри Мегрэ еще не видел. Ремонда рассказывала о нем:

- Он не такой чистюля, как его брат, куда там! Вечно в замызганных шортах, босиком, растрепанный. Отца он всегда боялся...

- А что, Монита и Жорж Анри были влюблены друг в друга?

- Не знаю как Монита - девушки всегда лучше умеют скрывать свои чувства, - но он-то, конечно, был влюблен.

В кухне было прохладно и тихо. В окно проникал лишь косой луч солнца. Мегрэ, положив локти на навощенный некрашенный стол, курил трубку и медленными глотками пил кофе.

- Вы видели его после смерти Мониты?

- Видела на похоронах. Он был очень бледный, глаза красные. Посреди службы вдруг зарыдал. На кладбище, когда проходили перед открытой могилой, схватил охапку цветов и бросил на гроб.

- А потом?

- Мне кажется, его не выпускают из дома... Ремонда с любопытством смотрела на Мегрэ. Она слышала, что он знаменитый сыщик, что за время своей службы ему удавалось выловить сотни преступников, распутывать самые сложные дела. И этот человек сидел без пиджака здесь, в кухне, курил трубку и запросто разговаривал с ней, задавая обычные вопросы.

На что он мог рассчитывать? У нее даже шевельнулась жалость к нему. Видно, начал сдавать, раз его отправили на пенсию.

- Теперь я должна вымыть посуду и подмести пол. Но Мегрэ все не уходил, и лицо его казалось бездумным и безмятежным.

- Итак, - вдруг пробормотал он вполголоса, - Монита мертва, а Жорж Анри исчез. Она с живостью подняла голову.

- Вы уверены, что он исчез?

Мегрэ встал и вдруг изменился: лицо его сразу посуровело, как будто он на что-то решился.

- Послушайте, Ремонда, найдется у вас карандаш и листок бумаги?

Она вырвала листок из засаленной тетрадки, в которую записывала расходы. Она не понимала, к чему он клонит.

- Значит, так... Вчера... Нам уже подали сыр... Было около девяти вечера... Жорж Анри выпрыгнул из окна своей комнаты и бросился наутек.

- В какую сторону он побежал?

- Направо. Спустился он к Сене, я увидел бы, как он пересек парк. Если бы взял левее, я тоже увидел бы: окна столовой выходят на обе стороны... Пойдите. Отец пустился за ним. Эрнест Малик отсутствовал двенадцать минут. Правда, за эти двенадцать минут он успел сменить брюки и причесаться. Для этого ему, по-видимому, пришлось подняться к себе в комнату. Положим на это три-четыре минуты... Перед тем как ответить, хорошенько подумайте! Вы же знаете дешёвые места. В какую сторону мог направиться Жорж Анри, если бы хотел сбежать из Орсена?

- Направо стоит дом его бабушки и дяди... - начала Ремонда, глядя на примитивный план, который набрасывал комиссар, продолжая рассуждать. - Между двумя парками нет ограды, там живая изгородь, через которую в двух-трех местах можно пробраться.

- А потом?

- Из соседнего парка он мог попасть на дорогу, ведущую вдоль Сены. По этой же дороге можно пройти и к вокзалу.

- А нельзя ли свернуть на другую дорогу, не доходя до вокзала?

- Нет, разве что пересечь Сену на лодке.

- А нельзя ли выбраться на дорогу из парка Маликов?

- Только если взять лестницу. Оба парка в самой глубине пересекает железнодорожная линия. Но ограда у Аморедей слишком высока, через нее не перелезть.

- Вот что мне хотелось бы еще знать: когда я возвращался от Маликов в гостиницу, на реке была лодка, и я услышал, как забросили невод.

- Это Альфонс, сын смотрителя шлюза.

- Спасибо, Ремонда. Если я вам еще не надоел, мы можем вместе поужинать.

- Но ведь есть-то нечего.

- Все, что нужно, я куплю в лавочке возле шлюза. Мегрэ был доволен. Ему казалось, что он на верном пути. Ремонда видела, как он твердым шагом направился к шлюзу. Ворота находились отсюда метрах в пятистах. У шлюзового спуска не было видно ни одной лодки: смотритель, усевшись на каменном пороге, строгал палку для одного из своих мальчишек, а в затененной кухне сидела с ребенком на руках какая-то женщина, должно быть жена смотрителя.

- Скажите... - начал бывший комиссар. Смотритель уже встал и приложил руку к фуражке.

- Вас интересует мадмуазель Монита, не так ли? - спросил он.

Мегрэ уже узнавали. О его приезде знали все.

- Честно говоря, и да, и нет... Полагаю, что вы об этом ничего не знаете?

- Не считая того, что ее тело обнаружил я. Вот здесь. У третьего шлюза. Это было ужасно. Я ведь ее хорошо знал. Она частенько переправлялась через шлюз, когда спускалась в лодке вниз по реке до Корбейля.

- Ваш сын был вчера вечером на реке? Вопрос, казалось, смутил смотрителя.

- Не бойтесь, - успокоил его Мегрэ. - Браконьеры меня не интересуют. Я заметил его около десяти часов, и мне хотелось бы знать, был ли он там часом раньше.

- Сейчас он скажет это сам. Он в мастерской, метров на сто пониже. Он лодочный мастер.

В дощатой мастерской двое мужчин заканчивали рыбачью плоскодонку.

- Да, в это время мы сидели в лодке вместе с Альбером. Это мой помощник... Сначала мы поставили вершу, потом, на обратном пути...

- Если бы кто-нибудь пересек Сену в лодке в девять часов вечера на участке между домом Маликов и шлюзом, вы бы его увидели?

- Конечно. Во-первых, еще не стемнело. Потом, если бы мы его и не заметили, то, уж во всяком случае, услышали бы. Вы же знаете, какой слух у рыбаков.

В маленькой лавке, которая обслуживала речников, Мегрэ купил консервы, яйца, сыр, колбасу.

- Сразу видно, что вы из "Ангела", - заметила хозяйка. - В этой гостинице можно помереть с голоду. Лучше бы ее совсем закрыли.

Он поднялся на гору и дошел до вокзала. Впрочем, это был лишь полустанок с домиком путевого обходчика.

- Нет, мсье, в это время никто не проходил. Мы с женой до половины одиннадцатого сидели, перед домом и никого не видели. Мсье Жорж Анри? Нет, его уж точно не видели. Его-то мы хорошо знаем; парень он не гордый и обязательно поболтал бы с нами, ведь мы знакомы.

Но Мегрэ не сдавался. Он заглядывал за живые изгороди, расспрашивал местных жителей - это были главным образом пенсионеры, копавшиеся в своих садиках.

- Мсье Жорж Анри? Нет, мы его не видели. А что, он тоже исчез, как и его кузина?

По автостраде, ведущей к Парижу, проехала большая машина Эрнеста Малика, но за рулем сидел не он, а его брат.

Когда Мегрэ в семь вечера добрался наконец до "Ангела", Ремонда расхохоталась, глядя, как он выкладывает покупки.

- Теперь мы сможем неплохо закусить, - сказала она.

- Хозяйка так и не вставала? К ней никто не заходил?

Ремонда секунду колебалась.

- Только что приходил мсье Малик. Когда я ему сказала, что вы ушли к шлюзу, он поднялся к ней, и они минут пятнадцать шептались, но я не расслышала о чем.

- И часто он навещает Жанну?

- Иногда, когда идет куда-нибудь. Ничего не узнали о Жорже Анри?

Пока Ремонда готовила ужин, Мегрэ выкурил в саду трубку.

Значит, Бернадетта Аморель не лгала, когда говорила, что не видела внука. Впрочем, это еще ничего не доказывало. Мегрэ начинал думать, что в этой семье лгут рее без исключения.

Но почему-то ему казалось, что на этот раз она говорила правду.

Здесь, в Орсене, в семье Маликов, происходило что-то такое, что нужно было скрыть от всех, скрыть во что бы то ни стало. Имело ли это отношение к гибели Мониты? Возможно, но не наверняка.

Итак, сначала было тайное бегство: старуха Аморель, воспользовавшись отсутствием дочери и зятя, приказала везти себя в допотопном лимузине в Мен, чтобы обратиться к Мегрэ за помощью.

В тот же день, когда бывший комиссар уже находился в доме Эрнеста Малика, произошло и второе бегство. На этот раз сбежал Жорж Анри.

Почему его отец утверждает, что мальчик находится у бабушки? Почему, если это было действительно так, он не привез его обратно? И почему мальчишка не появился и на следующий день?

Все это продолжало оставаться загадкой, я Эрнест Малик недаром улыбался Мегрэ столь саркастически и презрительно. Комиссару было не по себе. Это дело ему явно не давалось. Он попал в незнакомую среду с запутанными семейными отношениями, и разобраться в них было нелегко.

До чего же тягостно ему было в этой обстановке, раздражавшей его своей искусственностью. Огромные виллы с пустынными парками, спущенные шторы на окнах, расхаживающие по аллеям садовники, плавучий причал, изящные, как игрушки, отлакированные яхты, сверкающие машины в гаражах...

Раздражали его и эти люди, нерасторжимо связанные между собой, - братья и невестки, которые, может быть, ненавидят друг друга, но в минуту опасности объединились против него.

В довершение всего они соблюдали глубокий траур. И это давало им преимущество, потому что их траур, их горе требовали уважения. В какой же роли, по какому праву бродил он вокруг них и совал свой нос в чужие дела?

Ремонда рассказала ему о Моните, похожей на мальчишку-сорванца, убежавшей из дома со своим двоюродным братцем Жоржем Анри, неряхой с растрепанными длинными волосами.

И вот Мониты нет в живых, а Жорж Анри исчез.

Мегрэ будет искать его и найдет. Уж это, во всяком случае, его обязанность. Он обошел весь Орсен. Теперь он был почти уверен, что мальчик никуда не уезжал. И, может быть, забился в какой-нибудь угол и ждет наступления ночи, чтобы удрать незамеченным.

Мегрэ с аппетитом поужинал в той же кухне, в обществе Ремонды.

- Если хозяйка увидит нас вместе, то не слишком обрадуется, - заметила служанка. - Она только что спрашивала, что вы ели на завтрак, а я сказала, что подала вам в столовую яичницу из двух яиц. А еще спрашивала, не собираетесь ли вы отсюда уехать.

- Когда спрашивала - до или после прихода Малика?

- После.

- В таком случае пари держу, что она и завтра не встанет с постели.

- Она недавно вставала. Я ее не видела, была в саду, но заметила, что она спустилась.

Мегрэ улыбнулся. Он все понял. Он представил себе бесшумно спускающуюся Жанну: та проследила, когда служанка выйдет, и достала с полки спиртное.

- Возможно, я вернусь поздно, - объявил он вдруг, вставая.

- Они вас снова пригласили?

- Нет, я никуда не приглашен. Просто хочется немного пройтись.

Дожидааясь темноты, он сначала гулял по бечевнику вдоль Сены. Потом, заметив сидящего с трубкой в зубах у дверей своего домика путевого обходчика, направился к железнодорожному переезду.

- Не возражаете, если я пройдуь вдоль путей?

- Вообще-то это запрещено. Но ведь вы из полиции? Только будьте осторожны! В десять семнадцать здесь проходит поезд.

Пройдя метров триста вдоль полотна, комиссар заметил первую стену, отгораживавшую владения г-жи Аморель и Шарля Малика. Еще не совсем стемнело, но в доме Бернадетты уже зажгли лампы.

Они горели на первом этаже. На втором, в комнате старой дамы, окно было распахнуто, и сквозь синеву воздуха, в тишине парка, любопытно было рассматривать на таком расстоянии уютную обстановку, где мебель и все вещи словно застыли в желтоватом свете ламп.

Комиссар на минуту остановился и стал наблюдать. В поле его зрения мелькнула фигура, но это была не Бернадетта Аморель, а ее дочь, жена Шарля, которая в сильном возбуждении шагала взад и вперед по комнате и что-то пылко говорила.

Старая дама, вероятно, сидела в своем кресле или лежала в кровати, а может быть" находилась где-нибудь в глубине комнаты и была не видна Мегрэ.

Пройдя еще немного вдоль полотна он дошел до парка, принадлежащего Эрнесту Малику, более прореженного, с широкими, тщательно ухоженными аллеями. И в этом доме горели лампы, но свет пробивался лишь сквозь щели ставен, и внутри дома ничего нельзя было разглядеть.

В парке, разбитом ниже железнодорожной насыпи, Мегрэ, притаившись за деревцами орешника, вдруг заметил два белых безмолвных силуэта и вспомнил про датских догов, которые накануне лизали хозяйину руки.

Их, конечно, спускают на ночь, и они, должно быть, свирепы.

Направо в глубине парка комиссар вдруг увидел строеньице, до сих пор не замеченное им. В таком домике, наверное, живут слуги - садовник, шофер. В одном из окон тоже горела лампа, но через полчаса погасла.

Луна еще не взошла, но все-таки ночь была светлее, чем накануне. Мегрэ спокойно уселся на железнодорожную насыпь, скрывшись за ветвями орешника, которые мог раздвинуть рукой, как занавес.

В десять семнадцать в каких-нибудь трех метрах от него прогрохотал поезд; Мегрэ видел красный огонек, исчезнувший за поворотом.

В домах Орсена, один за другим, гасли огни. Должно быть, папаша Гру в этот вечер не охотился на диких голубей - тишину ночи не нарушил ни один выстрел.

Наконец, около одиннадцати, обе собаки, лежавшие рядом на краю лужайки, вдруг поднялись и направились к вилле.

На минуту они скрылись за домом, а когда комиссар заметил их снова, животные, прыгая и резвясь, провозжали какого-то человека, направлявшегося, казалось, прямо к нему.

Это, несомненно, был Эрнест Малик. Вряд ли эта стройная, атлетическая фигура принадлежала кому-нибудь из слуг. Он был в ботинках на каучуковой подошве, а в руках нес что-то тяжелое, но что именно, было не разглядеть.

Пока Мегрэ раздумывал, куда это направляется Малик, тот вдруг свернул направо и прошел так близко от стены, что комиссар услышал дыхание собак.

- Тубо, Дьявол!.. Тубо, Львица!..

Здесь, между деревьями, стояло маленькое кирпичное здание, существовавшее, вероятно, еще до постройки виллы, - низкий домик, крытый старой черепицей. Бывшая конюшня или псарня?

"Скорее, псарня, - подумал Мегрэ. - Может быть, он идет кормить собак?"

Но нет! Малик отогнал псов, вытащил из кармана ключ и вошел в домик. Комиссар отчетливо услышал, как щелкнул замок запираемой изнутри двери. Потом наступила тишина, долгая тишина. Трубка Мегрэ погасла, и он не решился раскурить ее снова.

Прошло еще полчаса. Наконец Малик вышел из домика, старательно запер дверь и, оглядевшись вокруг, быстро зашагал к вилле.

В половине двенадцатого все в доме уже спали или по крайней мере разошлись по своим комнатам; и когда Мегрэ снова прошел мимо парка Аморедей, он разглядел лишь слабый свет ночника в комнате старой Бернадетты.

В "Ангеле" тоже не горело ни одной лампы. Мегрэ раздумывал, как ему попасть в дом, как вдруг дверь неслышно отворилась. Он увидел, скорее даже догадался, что это была Ремонда в ночной рубашке и шлепанцах на босу ногу; приложив палец к губам, она шепнула:

- Быстрее поднимайтесь! Да потише! Хозяйка не разрешила мне оставлять дверь открытой.

Ему хотелось немного постоять, задать ей несколько вопросов, чего-нибудь выпить, но скрип в комнате старухи Жанны вспугнул девушку, и она поспешила к лестнице.

Еще минуту комиссар стоял неподвижно. Пахло яичницей, чувствовался легкий запах спиртного. Сейчас в самый раз было бы чего-нибудь глотнуть. Он чиркнул спичкой, сунул под мышку бутылку и стал подниматься к себе.

В своей комнате зашевелилась старая Жанна - должно быть, услышала, что он вернулся. Но у Мегрэ не было ни малейшего желания сидеть в ее обществе.

Он снял пиджак, воротничок, галстук, спустил подтяжки и смешал коньяк с водой в стакане для чистки зубов.

Потом выкурил последнюю трубку, облокотившись на подоконник и глядя на тихо шелестящую листву.

Однако в семь часов Мегрэ был уже на ногах, разбуженный возней Ремонды на кухне. С трубкой в зубах - первой, самой приятной после долгого перерыва, - он спустился вниз и весело поздоровался с девушкой.

- Скажите, Ремонда, вы ведь знаете все дома в округе?
- Знаю, но не бываю там.
- Ладно! Так вот, в глубине парка Эрнеста Малика с одной стороны стоит дом, где, по-видимому, живут садовники.
- Да, и не только садовники, но и шофер и слуги. Только у горничных комнаты в самой вилле.
- Ну а с другой стороны, неподалеку от железнодорожной насыпи?
- Там ничего нет.
- Там есть очень низкое строение. Домишко, вытянутый в длину.
- Это псарня в верхнем парке, - сказала она.
- Что это за псарня?
- Когда-то, еще задолго до того, как я сюда приехала, парки не были разделены. Был один большой парк Аморедей. Старый Аморель любил охотиться. У него были две псарни, в верхнем и нижнем парке: нижняя, как ее называли, - для сторожевых собак, верхняя - для охотничьих.
- А Эрнест Малик не охотится?
- Как же, случается, но только не здесь. Тут ему не хватает дичи. У него есть еще охотничий домик и собаки в Солони.
- Однако что-то беспокоило Мегрэ.
- А помещение это в хорошем состоянии? Я имею в виду верхнюю псарню.
- Не помню. Я уже давно не заходила в парк. Там был подвал, где...
- Вы уверены, что там подвал?
- По крайней мере был. Мне об этом рассказывали. Ходили слухи, что в парке спрятаны сокровища. Надо вам сказать, что сорок, а может, и больше лет назад, еще до того, как господин Аморель построил себе дом, там были развалины какого-то маленького замка. Ходили слухи, что во времена революции владельцы замка спрятали свои сокровища в парке. Одно время господин Аморель искал их и даже нанял рабочих, чтобы произвести раскопки. Все его уверяли, что надо искать в подвале верхней псарни.
- Это несущественно, - буркнул Мегрэ. - Важно, что там есть подвал. И вот в этом-то подвале, детка, должно быть, и заперли Жоржа Анри... - Внезапно его глаза сверкнули. - В котором часу идет поезд на Париж?
- Через двадцать минут. А следующий только в двенадцать тридцать девять. Проходят и другие, только в Орсене не останавливаются.
- Но Мегрэ уже поднимался по лестнице к себе в комнату. Не теряя времени на бритье, он живо оделся и уже через несколько минут быстро шагал в сторону вокзала.
- Тут хозяйка застучала в пол своей комнаты, и Ремонда поднялась наверх.
- Он уехал? - спросила старая Жанна, по обыкновению лежавшая на своей измятой постели.
- Только что убежал.
- Ничего не сказал?
- Нет, мадам.
- И не уплатил?.. Помогите мне встать!
- Нет, мадам, не уплатил, но оставил здесь чемодан и все свои вещи.
- Ах так... - произнесла Жанна разочарованно, но, пожалуй, несколько встревоженно.

Глава пятая

Сообщник Мегрэ

Париж показался Мегрэ величественно просторным и пустынным. Из кафе Лионского вокзала доносился приятный запах пива и размоченных в кофе рогаликов. Комиссар провел четверть часа в парикмахерской на бульваре Бастилии, незабываемо легких четверть часа, потому что попал в Париж в августе, потому что сейчас было утро, а может быть, еще и потому, что скоро ему предстояло встретиться старых друзей на набережной Орфевр.

- Сразу видно, что вы вернулись из отпуска. И здорово же вы загорели!

Так оно и было. Но загорел он, должно быть, вчера, бегая по Орсену, чтобы удостовериться, что Жорж Анри не уехал из поселка.

Любопытно, что теперь, издали, эта история не казалась ему такой значительной. Свежевыбритый, с подстриженным затылком и легкими следами пудры за ушами, Мегрэ поднялся на площадку автобуса и через несколько минут уже входил в подъезд здания уголовной полиции.

Здесь тоже чувствовалось, что наступило время отпусков. В безлюдных коридорах все окна были открыты настежь, и тем не менее в воздухе ощущался едва уловимый и так хорошо знакомый ему специфический запах. Многие кабинеты пустовали. В своем прежнем кабинете за своим столом, он застал Люкаса, казавшегося слишком маленьким в этом просторном помещении. Увидя бывшего шефа, тот поспешно вскочил, словно стыдясь, что занял его место.

- Вы в Париже, шеф?

Он сразу заметил, как загорел Мегрэ. В тот день это всем бросалось в глаза, и по крайней мере девять человек из десяти не преминули с удовлетворением заметить:

- Сразу видно, что вы приехали из деревни! Как будто он не жил там уже два года!

- Скажи, Люкас, ты помнишь Мимиля?

- Какого Мимиля? Из цирка?

- Вот именно. Я хотел бы сегодня же разыскать его.

- Можно подумать, что вы расследуете какое-то дело...

- Вряд ли оно стоит того, чтобы его называть делом. Главное, можно подумать, что я выгляжу идиотом! Ну да ладно, подробно я расскажу тебе об этом в другой раз. Так ты согласен заняться Мимилем?

Люкас приоткрыл дверь инспекторской и что-то тихо сказал. По-видимому, сообщил, что бывший шеф сидит у него в кабинете и что ему зачем-то понадобился Ми-миль. В течение получаса почти все прежние сотрудники под разными предлогами заглядывали в кабинет и сердечно пожимали комиссару руку.

- Прекрасный загар, шеф! Сразу видно, что...

- Есть еще одно дело, Люкас. Я мог бы им заняться и сам, но мне что-то не хочется. Нужны сведения о фирме "Аморель и Кампуа", что на набережной Бурбон. Песчаные карьеры на Сене, буксиры и тому подобное.

- Я поручу Жанвье, шеф. Это срочно?

- Хотелось бы закончить к полудню.

Он побродил по знакомым коридорам, заглянул в финансовый отдел. Фирма "Аморель и Кампуа" была достаточно известна, хотя никаких конкретных сведений о ней не имелось.

- Огромное предприятие. Много филиалов. Люди солидные, с нами дела никогда не имели.

Как было приятно снова очутиться в знакомой обстановке, пожимать руки старым друзьям, видеть неподдельную радость на их лицах!

- Ну, как ваш сад, шеф? А рыбка ловится?

Мегрэ поднялся в картотеку. О Маликах - ничего. Он уже собрался уходить, но в последнюю минуту ему вдруг пришло в голову посмотреть на букву "К".

Кампуа... Роже Кампуа... Смотри-ка, нашлось досье Кампуа. Роже Кампуа, сын Дезире Кампуа, промышленника. Пустил себе пулю в лоб в гостиничном номере на бульваре Сен-Мишель.

Комиссар выверил даты, адреса, имена. Дезире Кампуа! Да это же компаньон старого Амореля! Тот, кого Мегрэ видел в Орсене. От брака с некоей Армандой Тенисье, дочерью подрядчика-строителя, ныне покойной, имел двоих детей - сына и дочь.

И вот, оказывается, его сын Роже в возрасте двадцати двух лет покончил с собой.

"В течение многих месяцев посещал игорные дома в Латинском квартале и проигрывал крупные суммы".

Что касается дочери старого Кампуа, то она была замужем и имела сына. Видимо, это и был тот молодой человек, который сопровождал своего деда к Маликам.

Может быть, и ее нет в живых? А что стало с ее мужем, неким Лориганом? Об этом в досье не упоминалось.

- Не пойти ли нам выпить кружечку пива, Люкас? Как в былые времена, они отправились в пивную "У дофины", рядом с Дворцом правосудия. Воздух благоухал, как спелый плод. Иногда, сквозь палящий зной, прорывались свежие порывы ветра. Приятно было смотреть, как поливочная машина разбрасывает широкие ленты воды на раскаленный асфальт.

- Хочешь знать, чем я занимаюсь? И я об этом же думаю. А ведь этой ночью я мог иметь серьезные неприятности. А вот и Торранс!

Толстяк Торранс, которому поручили разыскать Ми-миля, знал, где его найти. Он быстро справился с поручением.

- Если только за последние два дня он еще раз не сменил профессию, то работает служителем в зверинце, и вы, шеф, можете его найти в Луна-парке... Официант, кружку пива!

Затем к ним подсел Жанвье, славный Жанвье. Какие все они были милые в этот день, и как приятно было снова их всех увидеть, поработать вместе, как прежде! На круглом столике, за которым они сидели, выросла уже целая горка тарелок.

- Что именно вы хотите узнать о фирме "Аморель и Кампуа", шеф?

- Все.

- Минутку...

Жанвье вытащил из кармана клочок бумаги.

- Начнем со старого Кампуа. В восемнадцать лет приехал в Париж из родного Дофине. Хитрый и упрямый крестьянин. Сначала служил у подрядчика-строителя в квартале Вожирар, потом у какого-то архитектора, наконец, снова у подрядчика из Вильнев-Сен-Жорж. Там и познакомился с Аморедем.

Аморель, родом из Берри, женился на дочери своего хозяина. Вместе с Кампуа они скупили земли вдоль берегов Сены, вверх по течению от Парижа, где и создали свой первый песчаный карьер. С тех пор прошло сорок лет...

Люкас и Торранс с лукавой улыбкой поглядывали на своего бывшего шефа, который бесстрастно слушал Жанвье, и казалось, по мере того как инспектор выкладывает сведения, Мегрэ постепенно становится все больше похож на прежнего комиссара.

- Мне удалось это выяснить при помощи их старого служащего, дальнего родственника моей жены. Я с ним едва знаком, но несколько рюмок развязали ему язык.

- Продолжай!

- Обычная история всех крупных предприятий. Несколько лет спустя Аморель и Кампуа стали обладателями полудюжины песчаных карьеров в верховьях Сены. Не довольствуясь транспортировкой песка на баржах, они обзавелись буксирами. Кажется, тогда это наделало много шума, потому что тем самым Аморель и Кампуа разорили владельцев судов на конной тяге. Перед

конторой компаньонов на острове Сен-Луи происходили демонстрации протеста. Эта контора, пусть более скромная, тогда уже помещалась там же, где и сейчас. Аморель стал получать угрожающие письма. Но он держался стойко, и постепенно все утряслось. В настоящее время это огромное предприятие. Я не очень-то представлял себе, насколько оно велико, а когда узнал, просто обалдел. К песчаным карьерам прибавились каменоломни. Потом Аморель и Кампуа стали акционерами судоверфи в Руане, где строились для них буксиры. Теперь они владеют большинством акций не менее чем десяти предприятий, занимающихся речными перевозками, каменоломнями, постройкой судов, а также берут подряды от государства на строительные работы и участвуют еще в одном крупном деле по производству бетономешалок.

- Ну а братья Малики?

- К ним я и перехожу. Мой старичок мне о них тоже рассказал. Кажется, Малик-первый...

- Кого ты называешь первым?

- Того, который первым вошел в семью Аморелей. Подождите, я посмотрю свои записи...

Эрнест Малик из Мулена.

- Точно. хозяину зверинца, сошел с поезда за одну станцию до Орсена.

Несколькими минутами позже Мегрэ спокойно вышел из вагона с видом человека, которому все здесь знакомо, перекинулся несколькими словами с путевым обходчиком, исполнявшим обязанности начальника станции.

Он сразу заметил, что в деревне еще жарче, чем в Париже. В самом деле, в долине в эти дни можно было задохнуться от зноя.

- Скажите, в этом бистро не очень скверное белое вино?

Вскоре оба они сидели за столиком.

Через час Мегрэ стало ясно, что путевой обходчик будет в эту ночь спать сном праведника. Ничего другого от него и не требовалось.

Что до комиссара, то он большей частью незаметно выливал содержимое своих рюмок, и когда несколько позже входил в садик гостиницы "Ангел", его отнюдь не клонило ко сну.

Ремонда удивилась, что он так быстро вернулся.

- А как хозяйка? - спросил он.

- По-прежнему не выходит из своей комнаты. Кстати, вам тут письмо. Его принесли вскоре после вашего ухода. Наверное, поезд тогда еще не отошел, и будь я не одна в доме, я успела бы отнести его вам на вокзал.

Конверт, как и положено, с траурной каймой.

"Сударь,

Прошу Вас прекратить расследование, порученное Вам мною в состоянии депрессии, вполне, впрочем, понятной, принимая во внимание мой возраст и тяжкое горе, которое на меня обрушилось.

Не исключено, что по этой причине я могла дать некоторым печальным событиям толкование, противоречащее подлинным фактам, и теперь жалею, что побеспокоила Вас.

Ваше пребывание в Орсене только усугубляет и без того тяжелое состояние членов моей семьи, и я позволю себе добавить, что нескромность, с какой Вы выполняете доверенную Вам мною задачу, бестактность, которую Вы уже успели проявить, заставляют меня просить, чтобы Вы уехали отсюда как можно скорее.

Надеюсь, Вы меня поймете и больше не станете беспокоить семью, испытавшую и без того так много горя.

Во время моего неосмотрительного визита в Мен-сюр-Луар я оставила у Вас на столе пачку денег - десять тысяч франков, предназначенных для покрытия первых расходов. Прилагаю к этому письму чек на такую же сумму и прошу Вас считать дело законченным. С наилучшими пожеланиями

Бернадетта Аморель”.

Почерк крупный, заостренный, принадлежал Бернадетте Аморель, но стиль был явно не ее, и Мегрэ с лукавой улыбкой положил в карман письмо и чек, нисколько не сомневаясь, что прочитанное им сочинено Эрнестом Маликом, а не старой дамой.

- Я должна предупредить вас, что хозяйка недавно спрашивала у меня, когда вы собираетесь уехать.

- А что, она хочет выставить меня за дверь? Толстая Ремонда от смущения залилась краской.

- Вы не так меня поняли. Просто она говорила, что больна, что у нее сейчас приступы...

Мегрэ бросил взгляд на стоящие в углу бутылки - основную причину этих приступов.

- А еще что?

- Дом со дня на день будет продан.

- Так! А еще что, милая Ремонда?

- А еще прошу вас со мной не разговаривать. Я предпочла бы, чтобы она сама сказала вам все это. Она говорила, что мне неприлично находиться под одной крышей с мужчиной. Она слышала, как мы вместе ели в кухне, и набросилась на меня с упреками.

- Когда ей угодно, чтобы я убрался?

- Сегодня вечером. Самое позднее - Завтра утром.

- Но ведь здесь нет другой гостиницы?

- Есть, только в пяти километрах отсюда.

- Ладно, Ремонда. Вернемся к этому вопросу завтра утром.

- Но мне нечем вас кормить сегодня, и мне запрещено...

- Я поужинаю у шлюза.

Так он и сделал. Возле шлюзов обычно имеются лавки для речников. В тот день в бьефе как раз пришвартовалось много катеров, и женщины, окруженные малышами, закупали провизию в лавчонке, служившей одновременно таверной.

Все эти речники работали на Аморелей и Кампуа.

- Дайте мне, пожалуйста, пол-литра белого вина, колбасы и полфунта хлеба, - попросил Мегрэ.

Но это был не ресторан, а всего только лавчонка. Он уселся у края стола и стал глядеть на воду, бурлившую у подъемного затвора шлюза. В прежние времена крепкие лошади медленно тянули баржи вдоль берега, а маленькая босоногая девочка шла по бечевнику и погоняла их кончиком длинного прута.

Конная тяга и теперь еще иногда встречается на некоторых каналах, но Аморель и Кампуа с их дымящимися буксирами и моторными баржами изгнали ее с верховий Сены.

Колбаса оказалась вкусной, вино - легким, слегка кисловатым. В лавке пахло корицей и керосином. Ворота шлюза открылись, и буксир, ведущий за собой баржи, как курица цыплят, продвигался к верхнему шлюзу. Смотритель, освободившись, подсел за стол к Мегрэ.

- А я думал, что вы сегодня вечером уезжаете.

- Кто это вам сказал? Смотритель немного смутился.

- Ну, знаете, если верить всему, что говорят!..

Малик не терял времени даром: он защищался. Неужели он уже успел спуститься к шлюзу?

Издали, сквозь зелень парков, просвечивали крыши горделивых домов Аморедей и Кампуа - дом старухи Бернадетты Аморедей и ее зятя, за ним - выделяющаяся из всех кичливой роскошью вилла Эрнеста Малика и, наконец, посреди холма - особняк Кампуа, скорее похожий на жилище крестьянина, чем на дом солидного буржуа, но очень добротный, со стенами, выкрашенными в розовый цвет. На другом берегу высилась старая, запущенная дворянская усадьба Гру, предпочитавшего закладывать свои земли, чем видеть, как его леса превращаются в карьеры.

Кстати, сам г-н Гру оказался неподалеку. Мегрэ разглядел на солнце его лысую голову и холщовый костюм цвета хаки. Старик сидел с удочкой в зеленой лодке, привязанной между двумя шестами.

Воздух был неподвижен, вода - как зеркало.

- Скажите, пожалуйста, - обратился Мегрэ к зрителю, - ведь вы должны разбираться в таких вещах. Будет сегодня луна?

- Смотря в какое время. Взойдет она около полуночи над лесом, что виден отсюда вверх по течению.

В общем, Мегрэ был доволен собой, и все же его не покидала смутная тревога, не ослабевавшая, а, напротив, нарастающая по мере того, как шло время.

Он провел целый час на набережной Орфевр с хорошо знакомыми людьми, которые по старой привычке продолжали называть его шефом. И все-таки...

О чем они говорили после его ухода? Не о том ли, что ему недостает прежней работы и что он вовсе не так уж счастлив в деревне, как уверял всех и каждого. Недаром он ухватился за первый представившийся случай.

А теперь он всего лишь любитель. Да, не более чем любитель.

- Еще по стаканчику белого? Зритель шлюза не отказывался. После каждого глотка он привычным жестом утирал рот рукавом.

- А что, молодой Малик, Жорж Анри, часто рыбачит с вашим сыном?

- Да, сударь.

- Он любит рыбачить, не так ли?

- Да, он любит реку, любит лес, животных.

- Славный мальчик!

- Очень славный! И совсем не заносчивый. Посмотрели бы вы на них вдвоем с барышней!.. Они часто спускались вниз по реке в своей лодке. Я даже предлагал им открыть шлюз, хотя обычно для небольших лодок это не делается. Но они всегда отказывались, предпочитая переносить лодку. А возвращались они обычно поздно вечером.

С наступлением ночи или, вернее, посреди нее Мегрэ предстояло выполнить неприятную задачу. Ее нужно выполнить, а там будет видно, ошибся он, превратился в старого дурака, годного только сидеть дома, или еще на что-то способен.

Мегрэ расплатился и медленно пошел вдоль берега, посасывая трубку. Дождаться ему пришлось долго. Казалось, в этот вечер солнце и не думает заходить!. Слегка подернутая рябью река медленно и чуть слышно катила свои воды, а вьющаяся над ней мошара обрекала себя на гибель, опускаясь к самой воде, где ее тут же заглатывали рыбы.

Никого не было видно - ни братьев Малик, ни их слуг. В тот вечер все словно замерло. Около десяти часов, покинув гостиницу "Ангел", где были освещены только окна в комнате Жанны и в кухне - там еще копошилась Ремонда, - Мегрэ, как и накануне, направился в сторону станции.

Белое вино, несомненно, возымело действие: путевого обходчика на этот раз не оказалось на обычном месте. Мегрэ проскользнул незамеченным и поднялся на железнодорожную насыпь.

За деревцами орешника, примерно на том же месте, где комиссар прятался вчера вечером, его, как было условленно, уже дожидался Мимиль. Он спокойно стоял, расставив ноги, с погасшей сигаретой во рту, будто вышел перед сном подышать воздухом.

- Еще не появлялся?

- Нет.

И они стали молча ждать, время от времени переговариваясь шепотом. Как и накануне, окно в комнате Бернадетты Аморель было открыто, в тусклом свете можно было разглядеть старую даму, шагавшую взад и вперед по комнате.

Около половины одиннадцатого в парке Маликов возникла мужская фигура, и все произошло точь-в-точь как прошлой ночью. К человеку с пакетом в руках подбежали собаки и проводили его до дверей верхней псарни. Войдя в помещение, он оставался там значительно дольше, чем накануне, а потом вернулся наконец в дом, где сразу осветилось окно на втором этаже. Окно на минутку открыли, а затем задернули занавески.

Перед тем как улечься спать, собаки некоторое время бродили по парку и нюхали воздух у стены, чуя присутствие посторонних.

- Не пора ли начинать, шеф? - прошептал Ми-милль.

Один из догов уже готов был зарычать, но человек из Луна-парка успел бросить ему какой-то предмет, мягко ударившийся о землю.

- Только бы они не оказались натасканными по всем правилам, - пробормотал Мимиль. - Впрочем, этого опасаться не следует. Обыватели не умеют дрессировать собак, и если им даже попадает в руки хорошо обученное животное, они его быстро портят.

Мимиль был прав. Обе собаки уже вертелись вокруг брошенного им предмета, с любопытством обнюхивая его. Озабоченный Мегрэ даже не заметил, как погасла его трубка. Наконец один из псов, завладев куском мяса, стал раздирать его зубами, тогда как другой угрожающе зарычал, готовый наброситься на соперника.

- На всех хватит, - усмехнулся Мимиль, бросая второй кусок. - Не ссорьтесь, мои ягнятки!

Не прошло и пяти минут, как собаки, вяло бродившие вокруг, закружились на месте и наконец, обессилив, упали на бок. Мегрэ стало не по себе.

- Сделано, шеф! Действовать дальше? Стоило еще немного повременить, дожждаться, когда совсем стемнеет и погаснут все огни. Но Мимилью не терпелось.

- Сейчас взойдет луна, и тогда будет поздно. Мимиль уже размотал веревку и успел даже привязать ее к стволу молодого ясеня у края дороги, совсем близко от стены.

- Подождите, я спущусь первым! Стена была немного выше трех метров, но гладкая, без единого выступа.

- Если только в этом чертовом саду не найдется лестницы, подняться здесь будет труднее... Да вон, глядите! На дорожке стоит тачка. Мы ее приставим к стене и тогда сможем взобраться.

Мимиль был оживлен и весел, словно снова очутился в родной стихии.

- Если бы мне сказали, что я когда-нибудь буду заниматься таким делом вдвоем с вами...

Он подошел к старой псарне, одноэтажному кирпичному зданию с цементированным двориком, огороженным решеткой.

- Фонаря не понадобится, - прошептал Мимиль, нащупывая замок.

Дверь уже была открыта, и в нос ударило затхлой соломой.

- Закройте дверь! А знаете, мне кажется, там никого нет.

Мегрэ зажег электрический фонарик, но они ничего не увидели, кроме старого конюшенного валька <Валек - деревянная или железная палка для прикрепления постромок к экипажу.>,

позеленевшей сбруи на краю, валявшегося на земле хлыста да еще кучи гнилой соломы, перемешанной с сеном и пылью.

- Это внизу, - сказал Мегрэ. - Здесь должен быть люк или какая-нибудь дверца.

Стоило им пошевелить солому, и они действительно обнаружили тяжелый люк, окованный железом. Люк был закрыт только на засов, и у Мегрэ сжалось сердце, когда он медленно отодвинул его.

- Чего вы ждете? - прошептал Мимиль. Уже многие годы Мегрэ не испытывал такого волнения.

- Может, мне открыть?

Но Мегрэ, ни слова не говоря, сам поднял крышку. В погребе не слышно было ни звука, но все-таки им показалось, что там кто-то есть.

Фонарик внезапно осветил разверзшийся под ними мрак, белесые лучи скользнули по чьему-то лицу, и в темноте метнулась чья-то тень.

- Спокойно! - произнес Мегрэ вполголоса. Он попытался направить свой фонарик на узника, перебежавшего, как загнанный зверек, от стены к стене, и монотонно повторял:

- Не бойтесь, я ваш друг... Не бойтесь, я ваш друг...

- Мне спускаться? - спросил Мимиль. Из подвала раздался голос:

- Только попробуйте ко мне прикоснуться.

- Успокойтесь! Никто вас не тронет.

Мегрэ говорил - говорил, словно в бреду, или, скорее, как говорят, когда нужно успокоить ребенка, которого во сне мучили кошмары. И вся эта сцена действительно походила на кошмар.

- Успокойтесь! Сейчас мы вас выпустим отсюда.

- А если я не хочу выходить? Истерический, пронзительный голос ребенка, которого мучают галлюцинации.

- Ну так что же, спускаться? - повторил Мимиль, торопясь довести дело до конца.

- Послушайте, Жорж Анри! Я ваш друг. Мне все известно...

И эти слова оказались ключиком из волшебной сказки. Мальчик стал спокойнее. Несколько секунд прошли в молчании, потом Жорж Анри произнес изменившимся, но все еще недоверчивым голосом:

- Что же вы знаете?

- Сначала надо выйти отсюда, малыш. Клянусь, вам совершенно нечего бояться.

- Где мой отец? Что вы с ним сделали?

- Ваш отец у себя в комнате и, конечно, давно спит.

- Не правда!

В голосе мальчика слышалась горечь. Его обманывают. Он был почти уверен, что его и сейчас обманывают, как обманывали всегда. Его голос выдавал эту навязчивую мысль, и Мегрэ уже начал сердиться.

- Ваша бабушка мне все рассказала.

- Не правда!

- Это она приехала за мной и...

И тут голос мальчика превратился в крик:

- Она ничего не знает! Только я!..

- Тихо! Доверьтесь мне, Жорж Анри. Пойдемте, Когда вы отсюда выйдете, мы сможем поговорить спокойно.

Удастся ли его убедить? Если нет, придется спуститься вниз, действовать грубо, применить физическую силу. Вовсе не исключено, что он начнет отбиваться, будет касаться, царапаться, как молодой разъяренный зверь.

- Так мне спускаться или нет? - еще раз повторил Мимиль, уже не так спокойно, как прежде, и со прахом поглядывая на дверь.

- Послушайте, Жорж Анри, я из полиции.

- Какое мне дело до полиции! Я презираю полицию! Я ненавижу...

Он вдруг осекся. Его осенила какая-то мысль, и он заговорил уже другим тоном:

- Кстати, будь вы действительно из полиции, вы бы... - И вдруг снова завопил:

- Оставьте меня! Оставьте меня в покое! Уйдите отсюда прочь! Вы лжете! Вы сами прекрасно знаете, что это ложь! Подите и скажите моему отцу...

В эту минуту дверь неслышно открылась, и чей-то голос отчетливо произнес:

- Простите, что помешал вам, господа... Лампа Мегрэ осветила Эрнеста Малика с револьвером в руках, стоявшего у двери с невозмутимым видом.

- Я думаю, мой бедный Жюль, что имею право убить тебя, равно как и твоего сообщника.

Слышно было, как там, внизу, у мальчика от страха стучат зубы.

Глава шестая

Мимиль и его пленник

Не выразив ни малейшего удивления, Мегрэ медленно повернулся к вошедшему и сделал вид, что не заметил направленного на него револьвера.

- Вытащи оттуда парнишку! - обратился он, не повышая голоса, к своему бывшему соученику, как мог сказать человек, который пытался что-то сделать и, не сумев, решил попросить другого.

- Послушай, Мегрэ... - начал Малик.

- Не сейчас. Не здесь. Немного погодя я выслушаю все, что ты захочешь сказать.

- Теперь ты уже понимаешь, что здорово влип?

- Говорю тебе, займись мальчиком... Ах так! Все еще не можешь решиться? А ну-ка, Мимиль, спускайся сюда! Только тогда Эрнест Малик сухо произнес:

- Можешь вылезать, Жорж Анри. Мальчик не шелохнулся.

- Слышишь, что тебе говорят? Вылезай! Ты уже достаточно наказан.

Мегрэ вздрогнул. Так вот оно что! Вот в чем попробуют его убедить. Что это всего-навсего наказание.

- Однако ты не слишком ловок, Малик! - И, наклонившись вниз, сказал добрым, спокойным голосом:

- Выходите, Жорж Анри. И никого не бойтесь. Ни отца и никого другого.

Мимиль протянул руку и помог мальчику выбраться наверх. Жорж Анри съежился, избегая смотреть на отца и, как видно, выжидая момент, чтобы броситься наутек.

Мегрэ это предвидел. Он предвидел все, и внезапное появление Малика тоже. Предвидел и даже дал на этот случай соответствующие инструкции Мимиллю. Тому оставалось их только выполнить.

Всем четверым больше нечего было делать в старой псарне, и Мегрэ первым направился к двери, не обращая внимания на Малика, загородившего ему путь.

- Нам удобнее будет поговорить в доме, - пробормотал тот.

- А ты еще хочешь говорить? - пожал плечами комиссар.

Проходя мимо Мимиля, он успел бросить на него взгляд, означавший: “Повнимательнее выполняй инструкции”.

Инструкции были весьма деликатные, и малейший не правильный жест мог все испортить. Они вышли в парк один за другим. Жорж Анри замыкал шествие, выскользнув из псарни последним и стараясь не приближаться к отцу. Вчетвером они зашагали по аллее, и тут Малик стал проявлять некоторое беспокойство. Ночь была очень темная, луна еще не взошла. Мегрэ погасил свой электрический фонарик.

Пройти оставалось не более ста метров. Чего выжидал малыш? Неужели же комиссар ошибся?

Казалось, никто не осмеливался заговорить, никто не хотел брать на себя ответственность за то, что должно произойти.

Еще шестьдесят метров. Через минуту уже будет поздно. Мегрэ хотелось подтолкнуть локтем Жоржа Анри, чтобы вернуть мальчика к действительности.

Двадцать метров... Десять метров... Приходилось покоряться обстоятельствам. Но что они будут делать вчетвером в одной из комнат дома, белый фасад которого уже проступал во мраке?

Пять метров! Слишком поздно! Но нет, Жорж Анри оказался дальновиднее, чем сам комиссар. Он ведь знал, что у самого дома отцу придется выйти вперед, чтобы отпереть дверь.

Так оно и случилось. Не успел Малик вставить ключ в замок, как мальчишка метнулся в сторону, и через минуту в чаще послышался шелест травы и шорох веток. Мимиль не сплеховал и сразу же бросился за ним.

Малик упустил не больше секунды, но эта секунда оказалась решающей. Первым его движением было направить свой револьвер на ускользящую фигуру циркача, но не успел он спустить курок, как Мегрэ ударил его кулаком по предплечью, и оружие упало на землю.

- Вот так! - с удовлетворением в голосе произнес комиссар.

Он не нагнулся за револьвером, а только отшвырнул его ногой на середину аллеи. Из чувства собственного достоинства Эрнест Малик тоже не стал подбирать револьвер с земли. Да и к чему?

В поединке, происходившем между ними, оружие никакого значения не имело.

Для Мегрэ наступила волнующая минута. Именно потому, что он все это предвидел. Кругом стояла такая тишина, что слышны были вдали шаги тех двоих - и беглеца, и преследователя. Малик и комиссар прислушались. Нетрудно было понять, что Мимиль не отстает от мальчика.

По-видимому, они уже достигли соседнего парка, откуда был выход на дорогу, ведущую вдоль Сены.

- Вот так! - повторил Мегрэ, когда звуки шагов стали тише и наконец замерли. - Не зайти ли нам в дом?

Малик повернул ключ, торчавший в замке, и пропустил комиссара. Потом зажег свет, и они увидели стоящую на площадке винтовой лестницы г-жу Малик в белом пеньюаре.

Она смотрела на них большими изумленными глазами и даже не нашла что сказать, когда ее муж с раздражением в голосе бросил:

- Иди спать!

Они оказались вдвоем в кабинете Малика, и Мегрэ, не садясь, стал набивать трубку, с удовлетворением поглядывая на своего противника. А Малик ходил взад и вперед по комнате, заложив руки за спину.

- А не обратиться ли тебе в полицию с жалобой? - мягко спросил Мегрэ. - Такой случай может больше не представиться. Обе твои собаки отравлены. Налицо вторжение на частную территорию и еще вдобавок взлом. Ты даже можешь утверждать, что была попытка похитить ребенка. Да вдобавок еще ночью... Это пахнет каторжными работами. Давай, Малик, действуй! Телефон здесь.

Стоит тебе только протянуть руку, позвонить в жандармерию Корбейля, и меня будут вынуждены арестовать... Так что же ты медлишь? Что мешает тебе поступить так, как тебе хочется?

Теперь комиссар, не стесняясь, говорил Малику “ты”, но это совсем не походило на фамильярность бывшего соученика, как это было в обращении Малика с Мегрэ при первой встрече. Просто Мегрэ смотрел теперь на Малика как на обычного своего клиента, столкнувшегося с ним поневоле.

- Значит, тебе неприятно, чтобы все узнали о том, что ты держал сына взаперти в подвале? Но, во-первых, это право отца. Право наказывать. Сколько раз в детстве родители грозились запереть меня в подвал.

- Может быть, помолчишь?

Малик стоял перед Мегрэ и пристально глядел на него, пытаясь во взгляде комиссара прочесть, что скрывается за его словами.

- Что же ты, собственно говоря, знаешь?

- Вот наконец вопрос, которого я ждал.

- Так что же ты знаешь? - нетерпеливо повторил Малик.

- А ты боишься, что я узнаю? Интересно, чего же ты боишься?

- Ведь я тебя уже просил однажды: не суйся не в свои дела.

- И я отказался.

- Так вот, повторяю тебе это во второй, и последний раз.

Но Мегрэ, не дослушав, покачал головой.

- Не могу. Теперь, видишь ли, это невозможно.

- Но ведь ты ничего не знаешь...

- Тогда чего тебе бояться?

- И ничего не узнаешь.

- Значит, я вообще тебе не мешаю.

- Что до мальчишки, то он ничего не скажет. Я понимаю, ты рассчитываешь на него.

- И это все, что ты хотел сказать, Малик?

- Прошу тебя: подумай! Только что я мог тебя убить и уже сожалею, что не сделал этого.

- Возможно, ты и в самом деле напрасно этого не сделал. Но через несколько минут, когда я отсюда выйду, тебе еще представится возможность выстрелить мне в спину. Правда, парнишка теперь уже далеко, и он не один. Значит, звонить ты не собираешься? Не хочешь жаловаться? Не хочешь обращаться в полицию? Итак, ты это твердо решил?

И он направился к двери.

- Доброй ночи. Малик!

Но перед тем, как выйти в прихожую, он вдруг передумал, вернулся и произнес с каменным лицом, вперив в Малика тяжелый взгляд:

- Видишь ли, я чувствую, что открою такие мерзкие, такие грязные дела, что даже немного колеблюсь, продолжать ли расследование.

Потом, не оборачиваясь, вышел, хлопнул дверью и направился прямо к воротам. Они оказались заперты.

Положение становилось комичным: он незаконно находился в частном владении, но никому до него не было дела.

В кабинете Малика по-прежнему горел свет, но тот и не думал провожать своего противника до ворот.

Взобраться на стену? Одному? Мегрэ не полагался на свою ловкость. Искать тропинку, ведущую в парк Аморелей, где, может быть, не запирают ворота на ночь?

Он пожал плечами, подошел к дому садовника и тихонько постучал.

- Кто там? - послышался сонный голос.

- Друг господина Малика. Прошу вас, откройте калитку.

Он слышал, как старый слуга натягивал брюки и искал свои сабо. Потом дверь приотворилась.

- Как вы очутились в парке? Где собаки?

- Думаю, они спят, - прошептал Мегрэ, - если только не убиты.

- А где мсье Малик?

- У себя в кабинете.

- Но ведь у него есть ключ от ворот.

- Возможно. Но он так озабочен, что и не вспомнил об этом.

Садовник, ворча, пошел впереди, иногда оборачиваясь, чтобы окинуть тревожным взглядом ночного посетителя. Когда Мегрэ ускорял шаг, старик вздрагивал, словно боясь получить удар в спину.

- Спасибо, старина!

Он спокойно дошел до гостиницы. Ему пришлось бросать камешки в окно Ремонды, чтобы разбудить ее и попросить отпереть дверь.

- Который час? А я думала, вы сюда уже не вернетесь. Мне почудилось, что кто-то бежал по тропинке. Так, значит, это были не вы?

Он сам налил себе вина и пошел спать. В восемь утра, свежесбритый, с чемоданом в руке, он сел на парижский поезд и уже в половине десятого, выпив в маленьком баре кофе с рогалями, входил в здание уголовной полиции.

Люкас был на утреннем рапорте в кабинете начальника. Мегрэ уселся на свое прежнее место у открытого окна. По Сене как раз проходил буксир фирмы "Аморель и Кампуа", известив двумя пронзительными гудками, что входит под мост Сите.

В десять часов в кабинете появился Люкас с бумагами и положил их на край письменного стола.

- Вы здесь, шеф? А я-то думал, что вы снова в Орсене.

- Сегодня утром мне никто не звонил?

- Нет. А вы ожидаете звонка?

- Следовало бы предупредить телефонистку. Пусть меня сразу же соединит или, если меня не будет, пусть сами примут сообщение.

Он не подавал виду, что нервничает, но беспрерывно курил, набивая трубку за трубкой.

- Не обращай на меня внимания и занимайся своим делом - Сегодня ничего экстраординарного. Кого-то пырнули ножом на улице Делаамбр.

Обычные мелкие дела. Это ему знакомо. Он снял пиджак, как делал это на протяжении многих лет, когда кабинет на набережной Орфевр был его вторым домом. Он заходил в комнаты, здоровался с бывшими сослуживцами, слушал отрывки из допросов или телефонные разговоры.

- Не отвлекайтесь, ребята!

В половине двенадцатого он вышел вместе с Торрансом пропустить стаканчик вина.

- Послушай, мне хотелось бы кое-что тебе поручить. Речь идет все о том же Эрнесте Малике. Мне нужно выяснить, играет ли он. Или, может быть, играл в молодости. Хорошо бы найти кого-нибудь, кто знал его лет эдак двадцать - двадцать пять назад.

- Я наведу справки, шеф.

Без четверти двенадцать. Ему никто не звонил. Плечи Мегрэ еще больше ссутулились, походка стала неуверенной.

- Кажется, я свалил дурака, - бросил он своему бывшему помощнику, который занимался текущими делами.

Всякий раз, когда в кабинете звонил телефон, Мегрэ сам снимал трубку. Наконец, за несколько минут до двенадцати, кто-то произнес его имя.

- Мегрэ слушает... Где ты находишься?.. Где он?..

- В Иври, патрон. Я очень спешу... Боюсь, как бы он за это время... Не знаю, как называется улица. Некогда было посмотреть. Маленький отель. Четырехэтажный дом. Первый этаж выкрашен в темно-коричневый цвет. Называется "Моя Бургундия". Как раз напротив - газовый завод.

- Что он делает?

- Не знаю. Думаю, что спит. Ну, побегу, так будет спокойней...

Мегрэ подошел к висевшему на стене плану Парижа и парижских предместий.

- Ты знаешь, где находится в Иври газовый завод, Люкас?

- Мне кажется, вот здесь, чуть дальше вокзала. Через несколько минут, усевшись в такси с откидным верхом, Мегрэ катил по направлению к дымящимся трубам Иври. Пришлось немного покружить по улицам вокруг газового завода, прежде чем он обнаружил невзрачный отель, первый этаж которого был выкрашен в темно-коричневый цвет.

- Вас подождать? - спросил шофер.

- Да, пожалуй.

Мегрэ вошел в ресторан, где рабочие, в основном иностранцы, сидели за мраморными столиками без скатертей. В нос ударил сильный запах рагу и дешевого красного вина. Толстая официантка в черном платье и белом переднике пробиралась между столиков с подносом в руках, уставленным невероятным количеством закусок в мисочках из толстого сероватого фаянса.

- Вы ищете человека, который приходил сюда звонить по телефону?.. Он сказал, чтобы вы поднялись на четвертый этаж. Можете пройти здесь.

Узкий коридор с надписями, нацарапанными на стенах. Темная лестница, освещенная только слуховым окном на третьем этаже. Поднимаясь на четвертый этаж, Мегрэ заметил ноги, пару ног.

На верхней ступеньке сидел Мимиль с незажженной сигаретой во рту.

- Сначала дайте мне огонька, шеф. У меня даже не было времени спросить внизу спички, когда я ходил звонить. Я не курил со вчерашнего вечера.

В его светлых зрачках мелькал огонек, веселый и лукавый одновременно.

- Хотите, я подвинусь?

- Где он?

В коридоре виднелись четыре двери, выкрашенные в такой же темно-коричневый цвет, как и фасад первого этажа. На них значились неряшливо обозначенные номера: 21, 22, 23, 24.

- Он в двадцать первом, а я в двадцать втором. Вот забавно! Как будто нарочно! Двадцать второй... Вот что значит полиция <<"Двадцать два" - жаргонное выражение, означающее: "Внимание! Шпик!">>!

Он жадно втянул дым, встал, потянулся.

- Если хотите, зайдите в мою конуру. Только предупреждаю: там вонища и до потолка можно рукой достать. Пока был один, я из предосторожности сидел на лестнице, чтобы загородить проход. Вам понятно?

- Как же ты смог спуститься к телефону?

- В том-то и дело. С самого утра ждал удобного случая. Ведь мы здесь уже порядочно. С шести утра.

Он открыл дверь 22-го номера, и Мегрэ увидел железную кровать, выкрашенную в черный цвет, покрытую грубым красноватым одеялом, стул с соломенным сиденьем и таз без кувшина на круглом столике. Четвертый этаж был уже мансардой - в трех шагах от двери приходилось нагибать голову.

- Выйдем отсюда в коридор - парнишка юркий, что твой угорь. Утром дважды пытался сбежать. Я подумал даже, не попробует ли он удрать по крышам, но потом убедился, что это невозможно.

Напротив газовый завод с черными от угля дворами. Лицо у Мимиля было грязноватое, как у тех, кто не спал ночь и утром не умывался.

- На лестнице легче дышать и не так противно пахнет. Вы не находите, что здесь отдает какой-то гнилью? Словно запах от старых бинтов.

По-видимому, Жорж Анри спал или притворялся, что спит. Приложив ухо к двери, они не уловили в его комнате никакого шума. Оба стояли на лестнице; Мимиль, отчитываясь перед Мегрэ, курил сигарету за сигаретой, чтобы вознаградить себя за упущенное.

- Прежде всего расскажу, как мне удалось вам позвонить. Я не хотел, как говорят у вас, оставлять пост. Но, с другой стороны, как мы с вами договорились, должен был сообщить, где мы находимся. Около девяти часов из двадцать четвертого номера вышла женщина. Сначала я хотел попросить ее позвонить или отнести вам записку на набережную Орфевр. Но решил, что здесь, пожалуй, не стоит говорить о полиции: меня могут отсюда вытряхнуть.

"Лучше подожди другого случая, Мимиль, - сказал я себе. - Сейчас не время поднимать кутерьму".

Когда из двадцать третьего номера вышел какой-то тип, я сразу понял, что он поляк. А с поляком я всегда договорюсь, ведь я кое-как объясняюсь на их языке.

Я заговорил с ним, а он очень обрадовался, услышав хоть и ломаный, но свой родной язык. Тут я стал ему заливать, придумал какую-то невероятную историю. Короче говоря, он согласился постоять здесь несколько минут, пока я спущусь и позвоню приятелю.

- Ты уверен, что мальчишка по-прежнему там?

Мимиль бросил на комиссара лукавый взгляд и вынул из кармана плоскогубцы, в которых зажал кончик ключа, торчавший из замочной скважины двадцать первого номера.

Он сделал Мегрэ знак, чтобы тот тихонько подошел к двери, совсем неслышно повернул ключ и приоткрыл ее.

Комиссар нагнул голову, и в комнате с открытым окном, точно такой же, как и соседняя, увидел подростка, который лежал одетым поперек кровати.

Сомнений быть не могло - он спал. Спал, как еще спят в его возрасте: спокойно, с полуоткрытым ртом, и в лице его было что-то детское. Он даже не снял ботинки, и одна нога свисала с постели.

Мегрэ так же осторожно закрыл дверь.

- Теперь я расскажу вам, как все произошло. Вы мне подали верную мысль: захватить с собой велосипед. Еще удачнее оказалось, что я спрятал его возле переезда.

Вы помните, как он помчался? Прямо как кролик! Он кружил по парку и пробирался сквозь кустарники, надеясь сбить меня со следа.

Был момент, когда мы, один за другим, перелезли через живую изгородь, и я потерял его из виду. По звуку шагов я определил, что он направляется к дому. Это даже не дом, а что-то похожее на сарай. Вскоре он вышел оттуда с велосипедом.

- Это не сарай, а дом его бабушки, - уточнил Мегрэ. - Должно быть, велосипед был дамский, его двоюродной сестры Мониты.

- Правильно, дамский. Он вскочил на него, но по дорожкам парка быстро не поедешь, и я от него не отставал. Заговорить с ним я не решился, так как не знал, что происходит с вами.

- Малик хотел в тебя стрелять.

- Так я и думал. Странно, но у меня было такое предчувствие. Настолько, что в какое-то мгновение я даже приостановился и пригнул голову, словно ожидая выстрела. Короче говоря, мы блуждали в темноте, и он теперь вел велосипед, а не ехал на нем. Затем перенес его через другую изгородь. Мы очутились на дорожке, спускающейся к Сене, но и там быстро не покатишь. По бечевнику, вдоль реки - дело другое. Там я от него порядочно отстал, но зато наверстал упущенное, когда начали подниматься к станции.

Он как будто немного успокоился - откуда ему было знать, что немного дальше спрятан мой велосипед.

Бедный малыш! Он крутил педали изо всех сил. Не сомневался, что ускользнет от меня, верно?

Ну так вот: по дороге я вскакиваю на свою машину, жму изо всех сил и как раз в ту минуту, когда он меньше всего ожидал, оказываюсь с ним рядом и кручу педали как ни в чем не бывало.

"Не бойся, малыш!" - говорю я ему.

Я хотел его успокоить. Но он был как ненормальный. Катил все быстрее, так что даже стал задыхаться...

"Я же тебе сказал - не бойся!.. Ты ведь знаешь комиссара Мегрэ, правда? Он не хочет тебе зла. Наоборот!"

Время от времени он оборачивался ко мне и в бешенстве кричал: "Отстаньте от меня!"

Потом с рыданиями в голосе крикнул: "Все равно я ничего не скажу!.."

Мне жаль его, поверьте. И вообще это дело совсем не по мне. Не говоря уж о том, что на каком-то спуске, не помню уж где, на большой дороге, он круто повернул и грохнулся на асфальт, да так, что я буквально слышал, как зазвенело у него в голове!

Я слезаю с велосипеда. Хочу помочь ему подняться, но он уже снова в седле и просто кипит от ярости.

"Остановись, малыш! Ты расшибешься. Ведь ты ничем не рискуешь, если мы с тобой минутку поговорим, верно? Ведь я тебе не враг...".

Я и понятия не имел, что он там делает, наклонившись к рулю: рук-то его мне не было видно. Нужно сказать, что луна уже поднялась и было довольно светло.

Подъезжаю ближе. Я почти поравнялся с ним, как вдруг он резко затормозил. Я быстро пригнулся. И не зря! Этот маленький бандит ничего лучше не придумал, как бросить в меня гаечный ключ, который вытащил из велосипедной сумки. И этот ключ пролетел на волосок от моей головы!

Тут парень еще больше испугался. Решил, что я обозлюсь и буду ему мстить. А я все говорил и говорил... Было бы забавно, если бы я мог пересказать вам все, что говорил этой ночью.

"Ты сам должен понять, что тебе от меня не уйти. Я получил инструкцию. Поезжай куда хочешь, но знай, что я от тебя не отстану. Я должен отчитаться перед комиссаром. Когда он сам будет здесь, тогда мое дело маленькое..."

На каком-то перекрестке он, должно быть, сбился с пути. Мы проехали Бог весть сколько деревень, совсем белых под луной, и выехали наконец на дорогу в Орлеан. Представляете, сколько нам пришлось исколесить, когда мы были уже у дороги на Фонтенбло?

В конце концов ему волей-неволей пришлось ехать потише, но разговаривать со мной он по-прежнему не желал и даже не оборачивался в мою сторону.

Потом стало светать, и мы очутились в предместье Парижа. Тут мне снова пришлось попытеть, когда он вздумал кружить по всем маленьким улочкам, какие только попадались, пытаясь от меня оторваться.

Как видно, мальчишка умирал от усталости. Лицо стало совсем белым, веки покраснели и в седле он держался, скорее, лишь по инерции.

"Не лучше ли тебе поспать, малыш? - сказал я. - А то совсем свалишься".

И тогда он со мной все-таки заговорил. Невольно, не отдавая себе отчета. Да, я думаю, он настолько выдохся, что сам не понимал что делает. Вы когда-нибудь видели, как гонщик подходит к концу кросса? Когда он перейдет линию финиша, его приходится поддерживать, а он смотрит на кинокамеру невидящими глазами.

"У меня нет денег", - сказал он.

"Это не беда. У меня есть. Мы пойдем, куда ты хочешь, но тебе непременно нужно отдохнуть".

Мы были в этом районе. Я и не думал, что он так быстро меня послушается. Он сам увидел слово "Гостиница" над открытой дверью. Оттуда как раз выходили рабочие.

Он слез с велосипеда, еле двигая ногами, как будто они одеревенели. Я хотел предложить ему согреться чем-нибудь, но не знал, согласится ли он. К тому же быстро еще не открылось.

Знаете, он ведь гордый. Странный парнишка. Не знаю, что у него на уме, но он явно что-то задумал. Вам еще придется с ним повозиться.

Мы поставили велосипеды под лестницу. Если их не свистнули, они и сейчас там.

Он поднимался по лестнице первым. Я за ним. Дойдя до второго этажа, он не знал, что делать дальше, потому что ничего не было видно.

"Хозяин!" - крикнул я.

К нам вышел не хозяин, а хозяйка - здоровее любого мужика и не слишком любезная.

"Что вам надо?" - И она окинула нас подозрительным взглядом.

"Нам нужны две комнаты. По возможности рядом".

Кончилось тем, что она дала нам два ключа: от двадцать первого номера и от двадцать второго. Вот и все, шеф. А теперь, пожалуйста, посидите здесь немножко, а я сбегать чего-нибудь перекусить. С самого утра я только и вдыхаю кухонные запахи - ни крошки во рту не было.

- Открой мне дверь его комнаты, - сказал Мегрэ вернувшемуся Мимилью.

- Вы хотите разбудить мальчика? - запротестовал Мимиль, который уже считал себя его покровителем. - Дали бы ему хорошенько выспаться.

Мегрэ жестом успокоил его, бесшумно, на цыпочках вошел в комнату и облокотился на подоконник слухового окна. Печи газового завода в это время заполнялись горячим. Вырвавшееся из них пламя казалось желтым в лучах солнца. Суетившиеся у печей полуголые люди, как видно, обливались потом, то и дело вытирая лицо черными от сажи руками.

Ожидание было долгим, во всяком случае, вполне достаточным для того, чтобы все хорошенько обдумать. Комиссар порой поглядывал на мальчика, сон которого был неглубоким.

Он начал ворочаться, как бывает перед пробуждением, нахмурил брови и стал шевелить губами, словно хотел что-то сказать. Очевидно, ему снилось, что он говорит. Лицо его исказилось злобой, словно, собрав все силы, он с кем-то горячо спорил.

Потом лицо Жоржа Анри исказила мучительная гримаса: казалось, он вот-вот заплачет. Вначале он повернулся всем телом. Продавленный матрац заскрипел от его резких движений. На нос ему села муха. Он отогнал ее произвольным жестом. Веки Жоржа Анри, пронизанные солнечным светом, дрогнули.

Наконец он широко открыл глаза, сначала удивленно уставился на потолок, потом на крупную темную фигуру комиссара, стоявшего на самом свету спиной к слуховому окошку. И вдруг сразу все вспомнил. Но, усилием воли подавив желание вскочить на ноги, он продолжал лежать неподвижно; на лице его отразилась холодная решимость, даже жестокость, и мальчик сделался немного похож на отца.

- Все равно я ничего не скажу, - отчеканил он.

- А я и не прошу говорить, - возразил Мегрэ чуть-чуть ворчливо. - Впрочем, что вы могли бы мне сказать?

- Почему меня преследуют? Что вам нужно от меня в моем номере? Где мой отец?

- Остался дома.

- Вы уверены?

Казалось, он не решался даже шелохнуться, словно малейшее движение грозило ему неведомой опасностью. Он все еще лежал на спине, нервно напрягшись, с широко открытыми глазами.

- Вы не имеете права меня преследовать. Я свободный человек. Я не сделал ничего плохого.

- Значит, вы предпочитаете, чтобы я препроводил вас к отцу?

В серых глазах мальчика отразился ужас.

- Если вы попадете в руки полиции, она это немедленно сделает. Вы ведь еще несовершеннолетний.

Жорж Анри рывком соскочил с кровати, уже не в силах скрывать отчаяние.

- Но я не хочу! Не хочу!.. - закричал он. Мегрэ слышал, как Мимиль ходит взад и вперед по площадке. Наверное, он считает комиссара грубой скотиной.

- Я хочу, чтобы меня оставили в покое! Я хочу... Комиссар перехватил безумный взгляд мальчика, устремленный на окно мансарды, и понял. Нет сомнения, не стой он между окном и Жоржем Анри, тот был бы способен прыгнуть...

- Как ваша кухня?.. - медленно произнес Мегрэ.

- Кто вам сказал, что моя кухня?..

- Послушайте, Жорж Анри.

- Не хочу!..

- Вам придется меня выслушать. Я понимаю ваше положение.

- Не правда.

- Хотите, чтобы я уточнил?

- Я вам запрещаю, слышите?

- Успокойтесь! Вы не можете вернуться к отцу, да и не имеете никакого желания.

- Я никогда туда не вернусь.

- С другой стороны, вы в таком состоянии, что можете сделать любую глупость.

- Это мое дело.

- Нет, не только ваше.

- Я никому не нужен.

- Тем не менее в течение нескольких дней вы будете под присмотром.

Юноша болезненно усмехнулся.

- Я должен это сделать, - закончил Мегрэ, спокойно раскуривая трубку. - С вашего согласия или без него. Это уж от вашего решения никак не зависит.

- Куда вы хотите меня отправить? Несомненно, он думает, как сбежать.

- Еще не знаю. Вопрос, конечно, деликатный, но в любом случае вы не можете оставаться в этом притоне.

- Здесь не хуже, чем в подвале.

Ну что ж! Похоже, дело сдвинулось с мертвой точки, раз он уже способен говорить с иронией о своей собственной участи.

- Для начала нам нужно хорошенько позавтракать. Вы же голодны. Но если...

- Все равно я не буду есть. "Боже мой, до чего он еще зелен!"

- А вот я с удовольствием поем. Я голоден как волк, - заявил Мегрэ. - Будьте благоразумны! Человек, который следовал за вами и привез вас сюда, куда подвижнее, чем я. Он и дальше будет за вами следить. Вы это понимаете, Жорж Анри? Хорошо бы вам принять ванну, но здесь нет такой возможности. Умойте хоть лицо.

Мальчик повиновался с недовольным видом. Мегрэ открыл дверь.

- Входи, Мимиль! Надеюсь, такси по-прежнему нас ждет? Сейчас мы все трое поедем завтракать в какой-нибудь спокойный ресторан. А может быть, вдвоем? Ведь ты уже поел?

- Не беспокойтесь, я могу и по второму разу. Вероятно, Жорж Анри мало-помалу возвращался к жизни. Спустившись вниз, он первый заметил:

- А как же велосипеды?

- Мы вернемся или пошлем кого-нибудь за ними. - И, обращаясь к шоферу, комиссар добавил:

- В пивную "У дофины".

Было около трех часов пополудни, когда они сели за стол в укромном уголке и перед ними поставили всякие закуски.

Глава седьмая

Птенчик г-жи Мегрэ

- Алло!.. Это ты, госпожа Мегрэ?.. Что?.. Откуда я звоню?..

Это напоминало времена, когда он, работая в уголовной полиции, в течение четырех-пяти дней не имел возможности забежать домой, иногда даже сообщить о себе и, наконец, звонил из самого неожиданного места.

- Я в Париже. И ты мне очень нужна. Даю тебе полчаса на сборы... Да, я знаю... Это невозможно... Не важно... Через полчаса ты пойдешь и сядешь в машину Жозефа... Или, вернее, Жозеф заедет за тобой... Что ты говоришь? Если машина окажется занятой? Не волнуйся, ему я уже звонил. Он отвезет тебя в Обрэ, и ровно в шесть ты будешь на вокзале Орсе. А через десять минут на такси доедешь до Вогезской площади.

Там находилась их старая парижская квартира, которую они сохранили за собой. Не дожидаясь приезда жены, Мегрэ привез туда Жоржа Анри и Мимиля. Окна в комнатах были завешены серой бумагой, мебель закрыта чехлами, а сверху еще газетами, ковры посыпаны нафталином.

- Нужно немного прибраться, ребята... Нельзя сказать, что Жорж Анри за завтраком стал более покладист. Однако хоть мальчик и не вымолвил ни слова, продолжая бросать на Мегрэ злобные взгляды, поел он с большим аппетитом.

- Я все время чувствую себя арестованным, - вдруг заявил он, когда они приехали на квартиру Мегрэ, - и предупреждаю вас, что при первом удобном случае сбегу. Вы не имеете права держать меня здесь.

- Ладно! А пока помогите нам, пожалуйста, прибраться.

И Жорж Анри вместе с другими принялся за работу: складывал газеты, снимал с мебели чехлы, орудовал пылесосом. Когда все было закончено, комиссар налил арманьяку в рюмки от красивого сервиза, из предосторожности не взятого в деревню. Как раз в это время и явилась г-жа Мегрэ.

- Это мне ты готовишь ванну? - с удивлением спросила она, услышав шум льющейся воды.

- Нет, моя дорогая. Ванну будет принимать этот молодой человек, очень славный мальчик, который на некоторое время останется здесь с тобой. Зовут его Жорж Анри. Он обещал при первом удобном случае отсюда сбежать, но я рассчитываю, что Мимиль, которого, кстати, я тоже должен тебе представить, с твоей помощью помешает ему это сделать... Не кажется ли вам, что вы уже переварили свой завтрак, Жорж Анри? Тогда идите в ванную.

- А ты уходишь?.. К обеду вернешься?.. Как всегда, не знаешь! А здесь хоть шаром покати...

- Ты можешь сходить за покупками, пока Мимиль посторожит мальчика.

Он сказал ей тихонько несколько слов, и она, вдруг подобрев, с нежностью посмотрела на дверь ванной.

- Ладно, попробую. Сколько ему лет? Семнадцать? Через полчаса Мегрэ уже вернулся в привычную ему атмосферу уголовной полиции и справился о Торрансе.

- Он пришел, шеф. Наверное, он у себя, а может быть, спустился выпить кружку пива. Вам тут записка, я положил ее на ваш бывший стол.

Речь шла о телефонограмме, полученной около трех часов:

"Будьте любезны передать комиссару Мегрэ, что в прошлый понедельник Бернадетта Амореель вызвала своего нотариуса, чтобы составить завещание. Нотариус, мэтр Балю, должно быть, живет в Париже".

Телефонистка на коммутаторе не могла точно сказать, откуда звонили. Она только слышала, как другая на линии произнесла:

"Алло! Корбейль! Даю Париж!"

Звонили, как видно, из Орсена или близлежащего населенного пункта.

- Голос женский. Может, я и ошибаюсь, но мне показалось, что женщина эта не привыкла разговаривать по телефону.

- Узнайте на почте в Корбейле, откуда звонили, - попросил Мегрэ.

Он вошел в комнату Торранса, составлявшего в это время донесение.

- Я выяснил все, что вы меня просили, шеф. Побывал в двенадцати игорных клубах, но имя Эрнеста Малика известно только в двух. Это "Осман" и "Споршнг". Время от времени он бывает там и сейчас, но гораздо реже, чем прежде. Кажется, он пока по части покера. В баккара не играет никогда. Предпочитает покер и экарте. Проигрывает редко. В "Спортинге" мне посчастливилось познакомиться со старым инспектором карточных клубов. Он знает Малика уже лет тридцать.

В студенческие годы Малик был одним из искуснейших игроков в покер в Латинском квартале. Старый инспектор, служивший тогда официантом в кафе “Источник”, уверяет, что картами он зарабатывал себе на жизнь.

Он имел привычку назначать для себя цифру и ни за что ее не превышать. Выиграв определенную сумму, он хладнокровно удалялся, вызывая этим неудовольствие партнеров.

- Ты знаешь нотариуса Балю?

- Слышал эту фамилию. Подождите! И он стал листать справочник.

- Бабен... Бабер... Байи... Балю... Нашел! Набережная Вольтера, семьдесят пять. Да это же напротив!

Странная вещь, но история с нотариусом разозлила комиссара. Он не любил, когда его сбивали с толку, наводили на новый след, и уже почти решил не обращать внимания на это сообщение.

На коммутаторе ему сказали, что звонили из телефонной кабины Сен-Пора, в пяти километрах от Орсена. Телефонистка из Сен-Пора сообщила, что разговор заказывала женщина лет двадцати пяти - тридцати. Больше она ничего не знала.

- Я ее не разглядывала. Время было горячее, отправка почты... Что вы сказали?.. Простая женщина... Да! Похоже, что служанка.

Может быть. Малик поручил это кому-нибудь из слуг?

Мегрэ отправился к мэтру Балю. Контора нотариуса была закрыта, но тот согласился его принять. Он оказался очень старым, почти таким же старым, как и сама Бернадетта Аморель. Тубы его пожелтели от никотина, говорил он тихо, надтреснутым голосом, потом протягивал своему собеседнику черепаховую слуховую трубку.

- Аморель! Да, я хорошо слышу. Как же, это моя старая приятельница. Я знаю ее уже Бог весть сколько лет... Пойдите! Еще до выставки тысяча девятисотого года муж ее обратился ко мне за консультацией по поводу земельных участков... Деловой был человек! Помню, я, поинтересовался, не состоит ли он в родстве с Амореями из Женевы, старой протестантской семьей, которая...

Нотариус подтвердил, что в понедельник на прошлой неделе ездил в Орсен. Действительно, Бернадетта Аморель составила вместе с ним новое завещание. О самом завещании он, конечно, ничего сказать не может. Оно здесь, в старом сейфе.

Существовали ли другие завещания до этого? Может быть, десять, а то и больше. Да, у его приятельницы манья меняя завещания, но это ведь не криминал? Ее личное дело, не так ли?

Говорилось ли в этом новом документе о Моните Малик? Он очень сожалеет, но ничего по этому поводу сказать не может. Профессиональная тайна.

- Бернадетта до сих пор прекрасно сохранилась! Я уверен, что это не последнее ее завещание и я еще буду иметь удовольствие ее навестить.

Значит, Монита умерла через сутки после приезда нотариуса в Орсен. Была ли связь между этими двумя фактами?..

Почему же, черт побери, его хотят сбить с толку, подсовывая ему эту историю?

Мегрэ шел по набережной к себе домой, чтобы пообедать в обществе жены, Жоржа Анри и Мимиля. С моста Сите он увидел поднимающийся вверх по Сене буксир с пятью или шестью баржами. Буксир фирмы “Аморель и Кампуа”. В ту же минуту мимо него проехало большое желтое такси последнего выпуска, почти совсем новое, и эти незначительные детали, вероятно, повлияли на его решение.

Не задумываясь, он поднял руку. Такси остановилось у тротуара.

- Хватит у вас бензина на дальний маршрут? Может быть, он изменил бы решение, не будь бак машины полон горячим.

- Дорога на Фонтенбло... После Корбейля покажу, куда ехать.

Поздний завтрак дал ему возможность обойтись без обеда. По дороге комиссар остановился у табачной лавки и купил пачку табака и спички.

Вечер был теплый, верх у такси откинут. Комиссар сел рядом с шофером - возможно, чтобы завязать разговор и скоротать время, но почти не раскрывал рта.

- Теперь налево.

- Вы едете в Орсен?

- А вам знакомы эти места?

- Когда-то доводилось отвозить пассажиров в "Ангел".

- А нам подальше. Поезжайте вдоль Сены. Нет, не эта вилла и не следующая. Еще дальше.

Нужно было повернуть вправо, на дорожку, ведущую к дому Кампуа, невидимому снаружи: его полностью скрывали высокие стены, а вместо решетчатой калитки была глухая светло-зеленая дверь.

- Подождите меня.

- Я не спешу. Только что пообедал, когда вы меня остановили.

Мегрэ дернул ручку звонка и услышал в саду приятный звон, похожий на колокольчик в доме священника. По обеим сторонам у каменных ворот торчали две старые тумбы, в одной из створок ворот была проделана узкая дверь.

- Что-то не думают открывать, - заметил шофер. Было еще не поздно, только начало девятого. Мегрэ позвонил снова и на этот раз услышал шаркающие по гравию шаги. Старая служанка в синем переднике повернула тяжелый ключ в замке, слегка приоткрыв маленькую дверь и бросив подозрительный взгляд на Мегрэ.

- Что вам угодно?

В приотворенную дверцу виднелся неухоженный сад, заросший незатейливыми цветами, а еще больше сорной травой.

- Я хотел бы поговорить с господином Кампуа.

- Он уехал.

Она хотела захлопнуть калитку перед его носом, но он подставил ногу, чтобы помешать ей.

- Не скажете ли вы, где я могу его найти? Откуда ей было знать, кто он, если даже она и видела его, когда он бродил по Орсену?

- Сейчас вы его не найдете. Мсье Кампуа отправился путешествовать.

- Надолго?

- Месяца на полтора.

- Простите меня, но речь идет о серьезном деле. Могу ли я по крайней мере ему написать?

- Пишите, если вам так хочется, но сомневаюсь, что он получит ваши письма до возвращения. Мсье скоро отплывает в Норвегию на борту "Полярной звезды".

Как раз в эту минуту Мегрэ услышал в саду за домом чихание мотора, который кто-то пытался завести.

- Вы уверены, что он уже уехал?

- Но я же вам говорю...

- А его внук?

- Он взял Жана с собой.

Мегрэ не без труда открыл калитку - так крепко ее держала служанка.

- Что вам взбрело в голову? Куда вы лезете?

- Мне взбрело в голову, что господин Кампуа еще не успел уехать.

- Это его дело. Он никого не желает видеть.

- И все же меня он примет.

- Убирайтесь прочь, грубиян вы этакий! Не обращая больше внимания на служанку, предусмотрительно закрывавшую за ним дверцу, комиссар пересек сад и увидел совсем простой, свежевыкрашенный дом и высокие кусты роз, которые почти касались зеленых ставен.

Он поднял голову и заметил в окне человека, с ужасом смотревшего на него. Это был г-н Кампуа, компаньон покойного Амореля.

В просторной прихожей, наполненной свежим ароматом спелых фруктов, куда проводила его старая служанка, стояли запакованные чемоданы.

- Раз уж мсье позволил вам зайти... - поворчала она. И старуха нехотя впустила его в гостиную, похожую скорее на приемную какой-нибудь конторы. В углу, у окна с полузакрытыми ставнями, притулилось одно из тех старинных бюро, какие воскрешают в памяти прежние торговые дома, зеленые папки с документами конторщиков с козырьками на лбу, сидящих на высоких стульях с круглыми кожаными подушками.

- Вам придется подождать. Ничего не поделаешь! Из-за вас он опаздывает на пароход.

На стенах, оклеенных тусклыми обоями, - фотографии в черных и золоченых рамках. Среди них был и традиционный свадебный снимок: г-н Кампуа, уже довольно полный, с подстриженными бобриком волосами, и прислонившая голову к его плечу женщина с толстыми губами и добрым, овечьим выражением глаз.

Тут же справа фотография молодого человека лет двадцати, с более удлиненным, чем у родителей, лицом и такими же добрыми глазами. Не только глаза, но даже поза его выражали робкую покорность. А под этой рамкой - бант из черного крепа.

Мегрэ пошел было к пианино, уставленному бесчисленными снимками, но в этот момент дверь открылась, и он увидел стоящего в проеме г-на Кампуа. Сейчас он показался Мегрэ меньше ростом и старше, чем тогда, когда он видел его впервые.

Совладелец фирмы был уже очень стар, хотя широкоплеч и по-крестьянски коренаст.

- Я знаю, кто вы, - с ходу начал старик. - Я не мог отказаться принять вас, но сказать вам мне нечего. Через несколько минут я уезжаю в далекое путешествие.

- Где вы садитесь на корабль, господин Кампуа?

- В Гавре.

- Значит, вы должны ехать парижским поездом в десять двадцать две? Вы успеете.

- Прошу прощения, но у меня не все еще собрано в дорогу. Кроме того, я еще не обедал. Повторяю: мне совершенно нечего вам сказать.

Чего он боялся? А то, что он охвачен страхом, сразу бросалось в глаза. В черном костюме и черном галстуке, завязанном раз и навсегда, он сливался бы с полумраком комнаты, если - бы не белизна сорочки. Кампуа оставил дверь открытой, как бы давая этим понять, что беседа будет короткой, и не предложил посетителю сесть.

- Вам приходилось до этого путешествовать? Солжет ли он сейчас? Ему явно недостает кого-то, кто подсказал бы ответ. И все-таки свойственная ему порядочность одержала верх. Нет, он не из тех, что умеют лгать. Сейчас он признается...

- Нет, я собираюсь путешествовать впервые.

- Вам уже исполнилось семьдесят пять?

- Семьдесят семь!

- Ну что ж, рискнем.

Испуганный взгляд выдает, что Кампуа заранее чувствует себя побежденным и, может быть, уже приготовился к этому поражению.

- Я уверен, господин Кампуа, что еще три дня назад вы и не помышляли о путешествии. Я уверен также, что оно вас немного пугает. Фьорды Норвегии в вашем возрасте!..

Старик пробормотал как заученный урок:

- Я всегда мечтал побывать в Норвегии.

- Но вы не собирались предпринять путешествие именно теперь. Кто-то решил за вас, не так ли?

- Не понимаю, что вы этим хотите сказать. Мой внук и я...

- Ваш внук, должно быть, так же удивлен, как и вы. В данный момент не важно, кто организовал вам это путешествие. Кстати, вам известно, где были взяты билеты?

Нет, Кампуа не знал. Это было ясно по его удивленному взгляду. Кто-то продиктовал ему его роль, и он старался добросовестно играть ее. Но бывают же непредвиденные обстоятельства - например, неожиданное вторжение Мегрэ! Бедняга был в полной растерянности.

- Послушайте, господин комиссар, я повторяю: мне нечего вам сказать. Я нахожусь в своем доме. Я должен сейчас отправиться в путешествие. Согласитесь, что я имею полное право просить вас оставить меня в покое.

- Я пришел, чтобы поговорить с вами о вашем сыне. Мегрэ предвидел реакцию собеседника. Старый Кампуа смутился, побледнел и бросил полный печали взгляд на фотографию молодого человека.

- Мне нечего вам сказать, - повторил он, уцепившись за эту фразу, которая, как он сам уже понимал, ровно ничего не значила.

В коридоре раздался легкий шум. Мегрэ прислушался. Кампуа тоже услышал, но не выразил удивления и, подойдя к двери, сказал:

- Оставьте нас, Эжени! Багаж можно отнести в машину. Я скоро приду.

На этот раз он закрыл дверь и по привычке уселся на свое место перед бюро, как делал это в течение многих лет. Мегрэ, не дожидаясь, сел напротив него.

- Я много раздумывал по поводу кончины вашего сына, господин Кампуа...

- Зачем вам понадобилось говорить со мной об этом?

- Вы сами должны это понять. На прошлой неделе при таких же примерно обстоятельствах погибла девушка, которую вы хорошо знали. Только сейчас я расстался с молодым человеком, чуть было не покончившим счеты с жизнью, подобно тем двоим. А ведь это по вашей вине, Кампуа, не так ли?

Старик вздрогнул:

- По моей вине?

- Да, да, господин Кампуа! И вы сами это знаете. Конечно, вы не захотите в этом признаться, но в глубине души...

- Вы не имеете права обвинять меня в таких чудовищных вещах! всю жизнь я был честным человеком. Но комиссар не дал ему времени на возражения.

- Где Эрнест Малик познакомился с вашим сыном? Старик провел рукой по лбу.

- Не знаю.

- В то время вы уже жили в Орсене?

- Нет, в Париже, на острове Сен-Луи. Мы занимали большую квартиру под конторой. В ту пору контора была куда меньше, чем теперь.

- Ваш сын работал в этой конторе?

- Да. Незадолго до того он получил диплом юриста.

- У Аморелей в то время была уже вилла в Орсене?

- Да, они поселились здесь первыми. Бернадетта была женщиной очень живой. Она любила устраивать приемы. Вокруг нее всегда собиралась молодежь. По воскресным дням она многих приглашала к себе на виллу. Мой сын тоже бывал там.

- Он был влюблен в старшую дочь Аморелей?

- Они были помолвлены.

- А мадмуазель Лоране любила его?

- Не знаю. Думаю, что да. Почему вы задаете мне такие вопросы? После стольких лет...

Он тщетно старался выбраться из тупика, в который его загнал Мегрэ. В комнате все больше смеркалось, и на собеседников мертвыми глазами глядели люди с фотографий. Старик машинально взял пенковую трубку с длинным мундштуком из вишневого дерева, но набивать ее табаком не стал.

- Сколько лет было в то время мадмуазель Лоране?

- Я уже не помню. Нужно посчитать. Погодите... И он зашевелил губами, перебирая даты, как перебирают четки. Лоб его наморщился, глаза блуждали, словно он еще надеялся, что кто-то явится и освободит его.

- Ей, кажется, было семнадцать.

- Значит, ее младшей сестре, мадмуазель Эме, не было тогда и пятнадцати?

- Видимо, так. Не помню.

- А когда ваш сын Познакомился с Эрнестом Маликом, тот, если не ошибаюсь, работал частным секретарем у муниципального советника. Через этого советника он и познакомился с Амореями. Малик был "блестящий молодой человек.

- Может быть...

- Он подружился с вашим сыном, и под его влиянием характер вашего сына изменился?

- Мой сын был очень добрый мальчик, мягкий, покладистый, - возразил отец.

- Он стал играть и делать долги...

- Этого я не знал.

- Долги, все более и более крупные, все более и более неотложные. Настолько, что в один прекрасный день он был вынужден прибегнуть к уловкам.

- Лучше бы он мне сразу во всем признался.

- Вы уверены, что поняли бы его? Старик, опустив голову, прошептал:

- В то время, может быть...

- Быть может, вы бы не поняли и выбросили бы его за дверь, если бы он вам признался, например, что взял деньги из кассы вашего компаньона, или подделал подписи, или...

- Замолчите!

- Он предпочел уйти из жизни. Быть может, ему кое-кто посоветовал так сделать? Быть может...

Кампуа на секунду закрыл руками искажившееся от боли лицо.

- Но почему вы пришли говорить со мной об этом именно сегодня? Чего вы добиваетесь? Какую цель преследуете?

- Признайтесь, господин Кампуа, что и тогда вы думали о том, о чем я думаю сейчас.

- А я не знаю, о чем вы думаете. И знать не желаю!

- Даже если у вас и не было подозрений, когда умер ваш сын, они должны были возникнуть после того, как спустя несколько месяцев Малик женился на мадмуазель Аморель. Вы понимаете, не правда ли?

- Я ничего не мог поделать.

- И вы присутствовали на свадьбе?

- Так нужно было. Ведь я был другом Аморея, его компаньоном. Он был без ума от Эрнеста Малика и смотрел на все его глазами.

- Настолько, что вы решили молчать.

- У меня была незамужняя дочь: мне нужно было выдать ее замуж.

Мегрэ поднялся, тяжелый, грозный, и бросил на подавленного старика исполненный гнева взгляд.

- И вот в течение долгих лет вы... Комиссар увидел слезы на глазах старика, и его грозный голос снова стал мягче.

- Но в конце концов, - продолжал он с какой-то тоской, - вы же знали, что этот Малик - убийца вашего сына. И вы молчали! И продолжали пожимать ему руку. И купили этот дом рядом с его виллой. И даже теперь готовы ему подчиниться!

- А как я мог поступить иначе?

- Не могли, потому что он довел вас почти до разорения; потому что с помощью Бог знает каких хитроумных комбинаций ему удалось завладеть большей частью ваших акций; потому что теперь вы не имеете никакого веса и ваше имя лишь вывеска фирмы "Аморель и Кампуа", потому что... - И комиссар стукнул кулаком по столу. - Но, черт возьми, вы даже не отдаете себе отчета, что вы подлец, что из-за вас погибла Монита, как раньше погиб ваш сын, а этот мальчик, Жорж Анри, чуть было не отправился за ними на тот свет.

- У меня дочь, внук... Я уже старик!

- Но когда ваш сын застрелился, вы были далеко не старым. Однако вы и тогда держались за свои деньги и не сумели защитить сына от этого грязного типа Малика.

В длинной комнате почти совсем стемнело, но никто и не подумал включить свет.

Старик спросил комиссара:

- Что вы собираетесь делать? Сдавленный, глухой голос выдавал охвативший его страх.

- А вы?

Плечи Кампуа опустились.

- Вы все еще собираетесь отправиться в это путешествие, хотя оно совсем не нужно вам? Разве вы не понимаете, что вас спешно удаляют, выводят из игры, как выводят обычно слабых, если должна разыгаться драма? Когда зашел разговор об этом путешествии?

- Малик явился ко мне вчера утром. Я не хотел ехать, но в конце концов мне пришлось уступить.

- Какой же предлог он придумал?

- Что вы пытаетесь устроить нам неприятности в связи с делами нашей фирмы и лучше, если я буду какое-то время отсутствовать.

- И вы ему поверили?

Старик ответил не сразу; немного помолчав, он продолжал усталым голосом:

- Сегодня он приходил уже три раза. Он перевернул все в доме, чтобы ускорить мой отъезд. За полчаса до вашего прихода он позвонил мне по телефону, чтобы напомнить, что пора уезжать.

- И вы все же хотите уехать?

- Мне кажется, так будет лучше, учитывая все, что здесь может произойти. Но я мог бы остаться в Гавре. Это будет зависеть от моего внука. Он любил бывать в обществе Мониты. Мне кажется, он на что-то надеялся. Его потрясла ее гибель...

Раздался звонок, резкий, настойчивый, призывающий старика к порядку. Он быстро поднялся и подошел к висевшему на стене телефону - старому, вышедшему из обращения аппарату.

- Алло!.. Да... Багаж уже погружен... Я выезжаю через пять минут... Да... Да... Нет... Это не ко мне... Конечно...

Он повесил трубку и стыдливо посмотрел на Мегрэ.

- Это он! Но все же лучше уехать.

- Что он у вас спрашивал?

- Приезжал ли ко мне кто-нибудь? Он видел, как проехало такси. Я ему сказал...

- Я слышал.

- Могу я ехать?

К чему его задерживать? Когда-то он много работал. Он всего добился своим трудом. Занимал солидное положение. И, страшась потерять свои деньги, страшась нищеты, которая была ему знакома с детства, он робко поджал хвост и продолжал поджимать, даже приближаясь к концу своей жизни.

- Эжени! Уложили чемоданы в автомобиль?

- Но вы же не обедали!

- Поем в дороге. Где Жан?

- У машины.

- До свидания, господин комиссар. Не говорите, что вы меня видели. Поезжайте вперед, и когда доедете до каменного креста, сверните налево. Через три километра будет большая дорога. Под железнодорожными путями есть туннель...

Мегрэ медленно прошел через погруженный в тишину сад в сопровождении кухарки, следовавшей за ним как жандарм. Шофер такси, сидя на траве у обочины дороги, перебирал полевые цветы. Перед тем как сесть в машину, он сунул за ухо цветок, как мальчишка сует за ухо сигарету.

- Нужно будет развернуться?

- Поезжайте прямо, - проворчал Мегрэ, раскуривая трубку. - Потом, когда увидите каменный крест, сворачивайте налево.

Вскоре в ночной тишине раздался шум мотора другой машины, мчавшейся в обратном направлении.

Старик Кампуа отправлялся в путешествие.

Глава восьмая

“Скелет в шкафу”

Чувство отвращения не покидало Мегрэ. Он велел шоферу такси остановиться у плохо освещенного бистро в Корбейле и заказал две стопки виноградной водки - одну шоферу, другую себе.

Ощувив терпкий вкус напитка, он невольно подумал, что это расследование велось “под знаком” дешевой водки. Почему? Случайное совпадение. Ведь именно такое пойло ему меньше всего нравилось. Впрочем, к этому примешивался и отвратительный кюммель старухи Жанны, связанный с отвратительным вечером, проведенным с глазу на глаз с хозяйкой гостиницы, отекавшей от алкоголя, - при одном воспоминании об этом Мегрэ чуть не стошнило.

А ведь когда-то Жанна была красива. Она любила Малика, который использовал ее в своих интересах, как любого, с кем его ни сводила судьба. Теперь, спустя много лет, любовь к нему соединилась у Жанны с ненавистью, злоба и ожесточение - с животной преданностью. Ею владели противоречивые чувства к этому человеку, иногда появлявшемуся у нее в доме, чтобы отдать приказание.

Да, бывают такие люди на свете. Но ведь бывают и другие. Например, два эти завсегдатая в маленьком баре, два последних посетителя в этот поздний час: один - толстый колбасник, другой - худой, злобный, напыщенный, гордый от сознания, что служит в каком-то государственном учреждении - быть может, в мэрии. Оба они играли в шашки в десять часов вечера, сидя у большой печной трубы, к которой колбасник время от времени прислонялся.

Колбасник держался самоуверенно, потому что у него были деньги, а выиграет он или проиграет, его мало тревожило. Партнер же его считал, что мир плохо устроен: человеку интеллигентному” получившему образование, по справедливости должно житья легче, чем этому невежде, который режет свиной.

- Еще один стаканчик... Простите, два!

Кампуа вместе с внуком катил теперь по направлению к вокзалу Сен-Лазар. Нечего и сомневаться: у старика на сердце скребли кошки, и, восстанавливая в памяти прошлое, он думал о жестоких словах Мегрэ.

Он ехал в Гавр. Еще немного, и он отправился бы, против воли, к норвежским фьордам, как багаж, отправленный Маликом. А ведь он старик. Как тяжело говорить правду таким людям, уличать их в неблагоприятных поступках!

Мегрэ, мрачный и насупленный, снова сел в такси, но на этот раз не рядом с шофером, а забился в угол машины.

Бернадетта Аморель - та еще старше. Комиссар не знал, да и не мог знать - ведь он же не Господь Бог, - видела ли она, как старый Кампуа проехал мимо ее дома в своей нагруженной вещами машине.

А если видела, то, конечно, все поняла. Может быть, она еще проницательней, чем сам Мегрэ. Встречаются же такие женщины, особенно старухи, обладающие даром провидения.

Если бы Мегрэ был в Орсене и проходил, как вчера, мимо ее окон, то наверняка увидел бы, как она разговаривает со своей служанкой.

"Знаешь, Матильда, а ведь он заставил убраться отсюда старого Кампуа!"

Мегрэ не расслышал бы этих слов, но он видел бы, как две эти женщины долго разговаривали, чем-то взволнованные, после чего Матильда вышла из комнаты, а старуха Аморель все ходила из угла в угол, пока наконец к ней с виноватым видом не зашла ее дочь Эме, жена Шарля Малика.

Иначе и не могло быть.

Семейная драма назревала в течение двадцати лет, а теперь, через несколько дней после гибели Мониты, с минуты на минуту должен произойти взрыв.

- Высадите меня здесь!

Он шел по Аустерлицкому мосту. Домой идти не хотелось. Сена казалась совсем черной. На уснувших баржах иногда мелькали огоньки, по набережной бродили тени.

Мегрэ шел медленно, засунув руки в карманы, с трубкой в зубах, по пустынным улицам, обрамленным гирляндами фонарей.

На площади Бастилии, на углу улицы Рокетт, огни были ярче и резче. Этот свет, роскошь бедных кварталов, так же необходим, как и ярмарочные палатки, где можно выиграть пачку сахара или бутылку шипучки, необходим, чтобы выманить людей из их темных и душных улочек.

Он пошел на эти огни к просторному, почти пустому кафе, где наигрывал аккордеон и несколько мужчин и женщин за рюмкой вина ждали неизвестно чего.

Он знал их. Он столько лет провел, занимаясь делами самых разных людей, что изучил их насквозь, даже таких, как Малик, считающих себя гораздо умней или хитрее остальных.

С такими людьми всегда бывает труднее. Приходится преодолевать иллюзию порядочности, которую придают им изысканные манеры, прекрасные дома, автомобили, слуги.

Нужно научиться видеть их такими, как они есть, без позолоты, голенькими!

Теперь Эрнест Малик дрожит от страха, как какой-нибудь жалкий воришка, которого в два часа ночи, во время облавы, вталкивают в полицейскую машину.

Мегрэ не видел, но мог догадываться, как разыгрывалась драматическая сцена между двумя женщинами в комнате Бернадетты. Он не видел, как Эме, жена Шарля, упала посреди комнаты на колени и поползла по ковру к ногам матери.

Теперь это уже не имело значения. В каждой семье, как говорят англичане, есть свой “скелет в шкафу”.

Два прекрасных дома на берегу рек у излучины Сены, где она особенно широка и красива. Два прекрасных дома, утопающих в зелени среди мягко вздымающихся холмов. На такие дома смотришь, вздыхая, из окна поезда.

Как, должно быть, счастливы люди, живущие в них!

Здесь протекли долгие жизни. Жизнь старого Кампуа, который всегда работал, а теперь совсем износился и отправлен на запасной путь. Или Бернадетты Аморель, потратившей впустую свою бющуюю ключом энергию.

Мегрэ шел, охваченный гневом. Вогезская площадь оказалась пустынной. В окнах его квартиры горел свет. Он позвонил и, проходя мимо привратницы, пробурчал свое имя. Жена, заслышав его шаги, тотчас открыла дверь.

- Тихо! Он спит. Только что уснул.

Не важно. Разве он его сейчас не разбудит, не возьмет за плечи, не встряхнет?

"Вставай, малыш! Довольно упрямитесь”.

Надо быстрее покончить с этим “скелетом в шкафу”, с этим отвратительным делом, где от начала до конца все самым мерзким образом упиралось только в деньги.

Ведь за фасадами этих прекрасных домов, в глубине ухоженных парков живет одна мечта - деньги!

- Ты, кажется, в плохом настроении? Ты не обедал?

- Да... Нет...

Он и в самом деле не обедал и теперь принялся за еду, пока Мимиль, стоя у окна, дышал свежим воздухом и покурил сигарету. Когда Мегрэ направился к двери комнаты для гостей, где спал Жорж Анри, г-жа Мегрэ запротестовала:

- Пусть он поспит! Не буди его!

Мегрэ пожал плечами. Часом раньше, часом позже... Ладно, пусть выспится! Тем более что и его самого клонило ко сну.

Он не знал, какая драма разыгралась ночью.

При всей своей проницательности он не предполагал, что Бернадетта Аморель одна вышла ночью из дома, что ее младшая дочь, Эме, обезумев от страха, напрасно пыталась дозвониться по телефону, тогда как Шарль, стоя рядом с ней, повторял:

- Но что с тобой? Что тебе сказала мать?..

Мегрэ проснулся только в восемь утра.

- Мальчик еще спит, - сообщила ему жена.

Он побрился, оделся, наскоро позавтракал и стал набивать первую трубку. Когда комиссар вошел в комнату Жоржа Анри, тот еще только просыпался.

- Вставай! - сказал Мегрэ спокойным, немного усталым голосом, каким обычно говорил в те минуты, когда решал заканчивать какое-нибудь дело.

Сначала он не мог понять, почему мальчик не поднимается, и наконец догадался: Жорж Анри спал голым и стыдился отбросить одеяло.

- Если хочешь, можешь лежать. Оденешься позже. Как ты узнал все, что натворил твой отец? Тебе, наверное, сказала Монита, правда?

Жорж Анри с ужасом смотрел на комиссара.

- Можешь говорить. Я теперь все знаю.

- Что вы знаете? Кто вам рассказал?

- Старый Кампуа тоже знал.

- Вы уверены? Это невозможно! Если бы он знал...

- ..что твой отец убийца его сына... Конечно, он не заколол его ножом и не застрелил из револьвера. А такие преступления...

- Что вам еще рассказали? Что вы сделали?

- Знаешь, в этой истории столько грязи, что одним фактом больше, одним меньше...

Мегрэ мутило. Это случалось с ним часто, когда он заканчивал какое-нибудь расследование, - то ли от нервного переутомления, то ли оттого, что было горько и унижительно видеть человека во всей его неприглядной наготе.

В квартире приятно пахло кофе. С Вогезской площади доносилось пение птиц и журчание фонтанов. Люди шли на работу под легкими лучами свежего утреннего солнца.

Он смотрел на бледного мальчишку, который, натянув одеяло до подбородка, не спускал с него глаз.

Что Мегрэ мог сделать для него, для других? Ничего! Такого вот Малика не арестуют. Правосудие не занимается подобными преступлениями. Возможен только один выход...

Удивительно, что он подумал об этом как раз перед тем, как зазвонил телефон. Он стоял, посасывая трубку, озабоченный судьбой мальчика, не знавшего, что ему делать, и на мгновение перед Мегрэ промелькнул образ Эрнеста Малика, которому вкладывают в руку револьвер и спокойно приказывают:

"Стреляй!"

Он не стал бы. Он не согласился бы покончить с собой. Ему пришлось бы подействовать.

В квартире раздался настойчивый телефонный звонок. Г-жа Мегрэ сняла трубку и постучала в дверь:

- Тебя.

Комиссар прошел в столовую и схватил трубку.

- Слушаю!

- Это вы, шеф? Говорит Люкас. Сегодня в полиции для вас есть важное сообщение из Орсена... Да... Этой ночью госпожа Аморель...

Ему бы, наверное, не поверили, если бы он стал утверждать, что в ту же секунду догадался, что произошло. И все-таки это была правда.

Черт возьми, у нее был тот же ход мысли, что и у него! Она пришла к тому же заключению почти в одно время с ним. Только она все довела до конца.

Зная, что Малик не выстрелит в себя, она спокойно выстрелила сама.

- Госпожа Аморель убила Эрнеста Малика выстрелом из револьвера... Да, у него в доме. В его кабинете... Он был в пижаме и халате. В первом часу ночи сюда звонили из жандармерии, чтобы предупредить вас, потому что она хочет вас видеть.

- Я поеду, - сказал Мегрэ.

Он вернулся в комнату. Мальчик тем временем успел натянуть брюки и стоял полуголый.

- Твой отец умер, - сказал он, глядя в сторону. Тишина. Мегрэ обернулся. Жорж Анри не заплакал. Он стоял неподвижно, глядя на комиссара.

- Он застрелился?

Оказывается, не двое, а даже трое пришли к одному решению. Кто знает, может быть, в какую-то минуту мальчик и сам попытался бы найти выход с помощью револьвера.

Однако в его голосе все еще звучало недоверие, когда он спросил:

- Он застрелился?

- Нет. Это твоя бабушка.

- Кто же ей сказал? Он закусил губу.

- Что сказал?

- То, что вы знаете... Кампуа?

- Нет, малыш. Это не то, о чем ты подумал. Его собеседник покраснел, и это доказывало, что Мегрэ прав.

- Есть кое-что другое, и ты это знаешь. Бернадетта Аморель убила твоего отца не за то, что он когда-то довел сына Кампуа до самоубийства.

Он ходил по комнате. Он мог бы продолжать и легко одержал бы верх над противником, который был гораздо слабее его.

- Оставайся здесь, - наконец произнес он. Мегрэ прошел в столовую за своей шляпой.

- Продолжайте за ним следить, - сказал он жене и Мимилю, которого она кормила завтраком.

Париж был залит солнцем, и утренняя прохлада казалась такой живительной, что невольно хотелось впитаться в свежий воздух, как в спелый плод.

- Такси!.. Дорога на Фонтенбло. Дальше я покажу, как ехать.

На бечевнике вдоль Сены стояло уже несколько машин. Должно быть, из прокуратуры. Несколько любопытных у ворот, охраняемых безучастным жандармом, который козырнул Мегрэ. Комиссар прошел по аллее и поднялся на крыльцо.

Комиссар уголовной полиции в Мелене был уже здесь, в шляпе, с сигарой во рту.

- Рад снова вас видеть, Мегрэ. А я и не знал, что вы вернулись в полицию... Любопытное дельце! Она вас ждет. Она отказалась давать показания до вашего приезда. Она сама позвонила около часу ночи в жандармерию и сообщила, что только что убила своего зятя... Сейчас вы ее увидите. Она так же спокойна, как если бы варила варенье или перекладывала вещи в шкаф. За ночь она привела все в порядок, и, когда я приехал, у нее уже стоял готовый чемодан.

- Где остальные?

- Ее второй зять, Шарль, сидит с женой в гостиной. Сейчас как раз их допрашивают товарищ прокурора и следователь. Они уверяют, что им ничего не известно, что в последнее время у старухи появились странности...

Мегрэ тяжело поднялся по лестнице и, что с ним редко случалось, выбил свою трубку и положил в карман. Потом постучал в дверь комнаты, тоже охраняемой жандармом. В таком жесте не было ничего необычного, и все же это была дань уважения Бернадетте Аморель.

- Кто там?

- Комиссар Мегрэ.

- Пусть войдет.

Ее оставите в комнате одну с горничной, и комиссар застал ее за маленьким секретером: она писала какое-то письмо.

- Это моему нотариусу, - сказала она. - Оставьте нас, Матильда!

Солнце потоками врывается в три окна комнаты, в которой старуха провела много лет. В ее глазах зажегся веселый огонек и даже - Бог знает, быть может, сейчас это могло показаться и неуместным, - какая-то юношеская удаль.

Она была довольна собой. Горда тем, что совершила. Даже немного подтрунивала над толстым комиссаром, который не сумел довести дело до конца.

- Иного выхода не было, не так ли? - сказала она. - Садитесь. Вы же знаете, я не терплю, когда человек, с которым я разговариваю, стоит как столб.

Потом она поднялась и, немного щурясь от ослепительного солнца, сказала:

- Вчера вечером, когда я наконец добилась того, что Эме призналась мне во всем...

Он невольно вздрогнул. Трудно было не выдать волнения, когда старуха произнесла имя Эме, жены Шарля Малика. Бернадетта, не менее проницательная, чем он, сразу все поняла.

- А разве вы этого не знали? Где Жорж Анри?

- У меня дома, с моей женой.

- В Мене?

И она улыбнулась, вспомнив, как приняла Мегрэ за садовника, когда вошла к ним в сад через маленькую зеленую калитку.

- Нет, в Париже, в нашей квартире на Вогезской площади.

- Он знает?

- Перед тем как уехать сюда, я поставил его в известность.

- Что он сказал?

- Ничего. Он спокоен.

- Бедный мальчуган! Удивляюсь, откуда у него взялось мужество все это скрывать... Вы не находите забавным, что женщина в моем возрасте окажется в тюрьме? Впрочем, эти господа очень учтивы. Вначале они даже не хотели мне верить. Думали, что я взяла на себя чужую вину. Еще немного, и они могли бы потребовать доказательство.

Все произошло как, как было задумано. Я не знаю точно, который был час. Револьвер лежал у меня в сумке.

Я пошла туда. В комнате Малика на втором этаже горел свет. Я позвонила. Он спросил из окна, что мне угодно.

"Поговорить с тобой", - ответила я.

Я уверена, что он испугался. Он просил меня прийти завтра, уверял, что плохо себя чувствует, что его мучает невралгия.

"Если ты сейчас не спустишься, - крикнула я, - я тебя посажу!"

Наконец он спустился в пижаме и халате.

- Вы его видели?

- Нет еще.

"Пойдем к тебе в кабинет. Где твоя жена?"

"Она уже легла. Думаю, что спит".

"Тем лучше".

"Вы уверены, мама, что мы не можем отложить этот разговор до завтра?"

И знаете, что я ему ответила:

"Это тебе ничего не даст, не беспокойся. Часом раньше или часом позже..."

Он догадывался... Похолодел, как щука. Я всегда говорила, что он похож на щуку, но надо мной смеялись.

Он открыл дверь своего кабинета и сказал мне:

"Садитесь!"

"Не стоит".

Понимал ли он, что я собираюсь сделать? Я уверена, что да. По крайней мере он бросил взгляд на ящик письменного стола, где обычно лежит его револьвер. Дай я ему время, бьюсь об заклад, он стал бы защищаться и, конечно, выстрелил бы первым.

"Послушай, Малик, - продолжала я, - я знаю обо всех мерзостях, которые ты наделал. Роже погиб. Роже - это сын Кампуа, твоя дочь погибла, твой сын..."

Услышав слова "твоя дочь", Мегрэ выпучил глаза. Только сейчас он все понял и смотрел на старуху с изумлением, даже не пытаясь его скрыть.

"Так вот. Раз уж так получилось, что из создавшегося положения нет другого выхода и ни у кого не хватает мужества довести все до конца, придется это взять на себя старой бабушке. Прощай, Малик!"

И, произнеся это последнее слово, я выстрелила. Он стоял в трех шагах от меня. Он поднес руки к животу, так как я прицелилась слишком низко. Я еще два раза нажала на курок.

Он упал, а Лоране вбежала в комнату как безумная.

"Вот так, - сказала я ей. - Теперь мы можем спокойно дышать".

Бедная Лоране! Думаю, и для нее это было лучшим выходом.

"Если хочешь, позови врача, но, по-моему, это уже бесполезно, - продолжала я. - Он мертв. А если бы был еще жив, я прикончила бы его пулей в голову. Советую тебе провести остаток ночи у нас. Слуг звать бесполезно".

И мы обе ушли. Эме выбежала нам навстречу, а Шарль, стоя на пороге, злобно глядел на нас.

"Что ты сделала, мама? Почему Лоране здесь?.."

Я обо всем рассказала Эме. Она боялась такого исхода после нашего последнего разговора в моей комнате. Она боялась, что этим кончится. Шарль не осмеливался открыть рта. Он шел за нами, как большой пес.

Я вернулась к себе и позвонила в жандармерию. Там вели себя очень прилично.

- Так, значит, - вымолвил после недолгого молчания комиссар, - Эме...

- Я оказалась старой дурой: я должна была догадаться раньше всех. Что касается Роже Кампуа, то на этот счет я всегда что-то подозревала. Во всяком случае, картежником его сделал не кто иной, как Малик.

Подумать только, что я была довольна, когда он стал нашим зятем! Он был интереснее других. Умел быть забавным. У моего мужа были кусы неотесанного буржуа, даже крестьянина, а Малик научил нас жить. Отвез нас в Довиль. Подумайте, прежде и ноги моей не было в казино, и я помню, как он вручал мне первые жетоны для игры в рулетку...

И вскоре женился на Лоране...

- Потому что Эме была еще слишком молода, не так ли? - прервал Мегрэ. - Ведь ей в ту пору было только пятнадцать лет. Будь она двумя годами старше. Роже Кампуа мог бы остаться в живых. Он женился бы на Лоране, а Малик на Эме.

Слышно было, как внизу расхаживают жандармы. В окно комиссар увидел, как группа людей направилась к вилле Малика, где еще находился труп.

- Эме его действительно любила... - вздохнула госпожа Аморель. - Она все еще любит его, несмотря ни на что. А меня теперь возненавидит за то, что я сделала этой ночью.

"Скелет в шкафу"! Если бы в этом символическом шкафу был только один труп робкого Роже Кампуа!

- Когда он решил вызвать брата, чтобы женить его на вашей младшей дочери?

- Кажется, года два спустя после своей женитьбы. Но как я была наивна! Ведь я прекрасно видела, что Эме интересовалась только своим шурином и была влюблена в него больше, чем ее сестра. Люди, не знавшие нас, ошибались. И когда мы путешествовали все вместе, именно Эме называли "мадам", несмотря на ее юный возраст.

Лоране была не ревнива. Она ничего не замечала и довольствовалась жизнью в тени мужа. Эрнест подавлял ее личность.

- Значит, Монита - его дочь?

- Об этом я узнала только вчера. Но есть и другие вещи, такие, что, несмотря на свой преклонный возраст, я предпочла бы не знать.

А этот брат его, Шарль, которого вызвали из Лиона, где он зарабатывал какие-то гроши, чтобы женить на богатой наследнице!..

Знал ли он тогда?..

Конечно! Человек он слабый, покорный и женился, потому что ему велели жениться. Он служил для них ширмой! Роль мужа, которую его заставляли играть, позволяла ему делить с братом состояние Маликов.

Итак, Эрнест имел двух жен, имел детей в обоих домах.

Когда Монита неожиданно узнала, чья она дочь, это переполнило ее таким отвращением, что она решила утопиться.

Я не могу точно сказать, каким образом она узнала правду, но со вчерашнего вечера стала догадываться. На прошлой неделе я пригласила нотариуса, чтобы изменить свое завещание.

- Я знаю: мэтра Балю.

- Я уже давно терпеть не могу Маликов и, странная вещь, из них двоих больше ненавидела Шарля. Почему - и сама не понимала. Мне он казался притворщиком, я была недалеко от мысли, что он хуже брата.

Я хотела их обоих лишиться наследства и оставить все свое состояние Моните.

В тот вечер - Эме мне призналась во время разговора ночью - Эрнест зашел к Шарлю.

Их пугало новое завещание, содержания которого они не знали, хотя могли догадываться. Братья долго оставались вдвоем в кабинете Шарля на первом этаже, Эме поднялась к себе и легла спать. Только позже, когда ее муж вошел в спальню, она спросила:

"Монита не вернулась?"

"А почему ты спрашиваешь?"

"Она не зашла пожелать мне спокойной ночи, как обычно".

Шарль пошел в комнату девушки. Кровать была не тронута. Он спустился вниз и застал Мониту в гостиной. Она сидела в темноте, бледная, словно заледеневшая.

"Что ты здесь делаешь?"

Кажется, она не слышала его слов. Она согласилась подняться в спальню.

Теперь я уверена, что она слышала весь разговор. Она знала. И утром, когда все в доме еще спали, пошла купаться, как это делала довольно часто.

Только на этот раз она не выплыла.

И она нашла время рассказать обо всем своему кузену. Кузену, которого любила, не подозревая, что в действительности он доводится ей родным братом...

Кто-то робко постучал в дверь, Бернадетта Аморель встала, чтобы открыть, и в комнату вошел комиссар из Мелена.

- Машина ждет вас внизу, - объявил он не без смущения в голосе, так как за всю свою деятельность ему впервые приходилось арестовывать женщину восьмидесяти двух лет.

- Через пять минут! - отрезала она, словно обращаясь к своему дворецкому. - Мы должны еще немного поговорить с моим другом Мегрэ.

Наедине с комиссаром она сказала ему, подтвердив этим свое удивительное присутствие духа:

- Почему вы не курите свою трубку? Вы же прекрасно знаете, что можете курить. Я ездила за вами в Мен. Я еще не знала, что тут замышлялось. Вначале мне казалось, что Мониту могли убить из-за того, что я назначила ее своей наследницей. Признаюсь вам, именно вам - их это не касается. Есть вещи, которые их не касаются. Признаюсь вам, я подозревала, что меня хотят отравить. Вот и все, комиссар. Теперь остается малыш. Я довольна, что вы о нем позаботились, потому что, верьте мне, он мог бы покончить с собой, как Монита.

Поставьте себя на их место. В таком возрасте вдруг узнать...

Для мальчишки это было еще тяжелее. Он хотел знать все. Мальчишки более предприимчивы, чем девочки. Он знал, что его отец хранит свои личные бумаги в маленьком шкафчике. Мне все это рассказала Эме. Эрнест Малик ничего от нее не скрывал, он полностью доверял ей - ведь она покорила его, как рабыня.

Малик заметил, что кто-то взломал шкафчик, и сразу же заподозрил сына.

- Какие документы он мог там найти? - вздохнув, спросил Мегрэ.

- Этой ночью я их сожгла. Я поручила Лоране сходить за ними, но она не решилась зайти в дом, где находился труп ее мужа.

Их принесла Эме.

Там были письма от нее - вернее, записочки, которые они, не стесняясь, передавали друг другу здесь, чтобы назначать свидания.

Там были и расписки Роже Кампуа. Малик не только сам давал ему деньги в долг, чтобы сильнее запутать его, но и заставлял обращаться к ростовщикам, у которых потом скупал его векселя.

Он все это хранил.

И с презрением добавила:

- Несмотря ни на что, у него была душа конторщика!

Она не поняла, почему Мегрэ, тяжело вставая, добавил:

- Сборщика налогов!

Он сам усадил ее в машину, и она на прощание протянула ему руку через дверцу.

- Вы не очень на меня сердитесь? - спросила она в ту минуту, когда полицейская машина тронулась, чтобы увезти ее в тюрьму.

Мегрэ так никогда и не узнал, имела она в виду то, что вытащила его на несколько дней из тихого садика в Мен-сюр-Луар, или то, что она выстрелила в Малика.

Долгие годы в семье Аморелей был свой "скелет в шкафу", и старуха Бернадетта взяла на себя труд выбросить его оттуда, уподобясь тем бабушкам, которые не могут терпеть в доме грязь.

<http://book.zehinli.info>